

Скотт Паразински

Сьюзи Флор

ВЫШЕ НЕБА

ИСТОРИЯ
АСТРОНАВТА,
ПОКОРИВШЕГО
ЗВЕРЕСТ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Люди эпохи: преодоление, исследование, прорыв

Скотт Паразински

**Выше неба. История астронавта,
покорившего Эверест**

«ЭКСМО»

2017

УДК 629.78(092)(73)

ББК 39.6г

Паразински С.

Выше неба. История астронавта, покорившего Эверест /
С. Паразински — «Эксмо», 2017 — (Люди эпохи: преодоление,
исследование, прорыв)

ISBN 978-5-04-194901-3

Скотт Паразински — первый астронавт, совершивший 7 выходов в открытый космос и покоривший главную вершину мира — Эверест. И полеты, и восхождение на высшую точку Земли дались Паразински с огромным трудом. Множество раз он сталкивался с, казалось бы, непреодолимыми трудностями, но находил в себе силы двигаться вперед. Написанная им книга — настоящий гимн силе человеческого духа, рассказ о дружбе, профессионализме, травмах, любви и верности мечте.

УДК 629.78(092)(73)

ББК 39.6г

ISBN 978-5-04-194901-3

© Паразински С., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. На плечах гигантов	8
Глава 2. В ожидании развязки	13
Глава 3. Ракетный мальчик	18
Глава 4. Жажда странствий	25
Глава 5. Доктор санки	33
Глава 6. После смерти отоспишись	39
Глава 7. Скажи «сы-ы-ы-р»	44
Глава 8. Кабаны в Хьюстоне	50
Глава 9. Дуги начинает	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Скотт Паразински, Сьюзи Флори Выше неба. История астронавта, покорившего Эверест

Scott Parazynski and Susy Flory
The Sky Below

© 2017 Scott Parazynski

© Афанасьев И. Б., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящаю эту книгу моим родителям, Эду и Линде, которые вдохновили меня на исследования; сыну Люку, который первым научил меня безусловной любви без каких бы то ни было претензий и ожиданий; дочери Дженне, которая изумляет меня и приносит в мою жизнь абсолютную радость; моей великолепной жене, Мими, любви всей моей жизни.

Все возможно, пока не доказано обратное; а если обратное доказано, просто надо быть более изобретательным.

Предисловие

Пока я не уволился из NASA¹ и не перешел к другим занятиям, моей основной задачей в космическом агентстве было руководство обучением астронавтов обращению с научными полезными нагрузками – сначала для серии полетов лаборатории SpaceLab², а затем для Международной космической станции (МКС)³. Хотя я не занимался лично миссиями, которые проводились с участием самого доктора Скотта Паразински, я немало знал о нем почти с самого начала его космической карьеры. Его первым полетом был рейс STS-66⁴ – миссия ATLAS-3, которую готовил и проводил центр в Хантсвилле, штат Алабама, в котором я работал. Проходящие у нас подготовку нередко заговаривали об этом астронавте; по рассказам инструкторов, Скотт был исключительно сообразительным, старательным и вежливым.

Иначе говоря, он не только схватывал все на лету, но и был впридачу очень приятным человеком. Позже мы узнали, что помимо этого Паразински смел, силен и решителен, но с точки зрения инструкторов именно обучаемость и легкость в общении были наиболее важными качествами. Когда мы узнали его еще лучше, у нас возникло желание, чтобы Скотт выполнял все наши миссии. Мы дали знать об этом нашим руководителям. Повлияло ли это на какое-либо из его назначений, не знаю, но надеюсь, что повлияло.

Еще одной моей функцией в NASA была работа в «имитаторе нейтральной плавучести» NBS (Neutral Buoyancy Simulator) Центра космических полетов имени Маршалла – гигантской емкости с водой объемом миллион галлонов, где астронавты отрабатывали навыки работы вне корабля – иначе говоря, выхода в открытый космос в герметичном скафандре. Хотя обычно моя работа в NBS заключалась в том, чтобы страховать космонавтов как инструктор-водолаз, иногда мне приходилось самому лезть в скафандр, чтобы понять, каким процедурам астронавт должен будет следовать во время реальной космической миссии.

Работая в скафандре или, как его официально называют, «агрегате для внекорабельной деятельности» EMU (Extravehicular Mobility Unit), человек чувствует себя так, как будто на него одновременно напялили десяток шинелей. Перчатки, также находящиеся под давлением, делают осязание полностью бесполезным, а сила нужна только для того, чтобы держать гаечный ключ. Не все астронавты уверенно работали в скафандре. Сотрудники NBS очень хорошо знали тех, кому эта работа подходила, и тех кому не очень. Скотт числился среди первых – в этом деле он был действительно хорош. Словно шестое чувство подсказывало ему, где что находится; ему не надо было скручиваться в штопор, чтобы выбрать и использовать необходи-

¹ Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (National Aeronautics and Space Administration) – орган федерального правительства США, подчиняется непосредственно президенту и отвечает за реализацию американской гражданской космической программы, а также за проведение научных исследований в области авиации, воздухоплавания и космонавтики. – *Здесь и далее примечания, обозначенные арабскими цифрами, принадлежат переводчику.*

² SpaceLab – обитаемый лабораторный блок в грузовом отсеке многоразового транспортного корабля системы Space Shuttle. Предназначался для проведения экспериментов на околоземной орбите Земли в условиях микрогравитации. Служил неким аналогом пилотируемой станции, совершающей орбитальный полет совместно с космическим кораблем. Для каждого запуска блок имел свой набор научных приборов и систем сообразно потребностям миссии.

³ Международная космическая станция, сокр. МКС (англ. International Space Station, сокр. ISS) – многоцелевой пилотируемый космический исследовательский комплекс. Совместный международный проект, в котором участвуют 14 стран: Россия, США, Япония, Канада и входящие в Европейское космическое агентство (ЕКА) Бельгия, Германия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Франция, Швейцария, Швеция (первоначально в составе участников были Бразилия и Великобритания). Управление МКС осуществляется: российским сегментом – из Центра управления космическими полетами в Королеве, американским сегментом – из Центра управления полетами имени Линдона Джонсона в Хьюстоне. Управление лабораторных модулей – европейского «Коламбус» и японского «Кибо» – контролируют Центры управления ЕКА (Оберпфaffenхофен, Германия) и Японского агентства аэрокосмических исследований (г. Цукуба). Между Центрами идет постоянный обмен информацией.

⁴ 66-й по счету полет по программе Space Shuttle. Каждая миссия имела свое обозначение, состоящее из сокращения STS (англ. Space Transportation System) и порядкового номера полета шаттла.

мые инструменты, даже если шлем ограничивал обзор или громоздкость скафандра мешала приступить к работе. Эта врожденная способность очень пригодилась Скотту в конце карьеры в NASA, когда все, что от него требовалось – выйти наружу и (без специальной подготовки) избежать поражения электрическим током, спасая МКС с помощью хрупкого ручного инструмента.

Конечно, судьбу Скотта Паразински нельзя сводить к его карьере астронавта. Проще говоря, я думаю, справедливо будет сказать, что Скотт – это чудесный человек, который за свою жизнь совершил больше подвигов, чем большинство из нас может себе представить или даже пожелать. Хотя большинство его приключений были опасны для жизни и сопряжены с высокой вероятностью неудачи, Скотт всегда оставался тем человеком, который упорно движется в нужном ему направлении, и каким-то образом ему неизменно удавалось прийти к цели. Теперь, держа в руках эти мемуары, мы можем пройти вместе с ним его путь, и это действительно потрясающе.

Гомер Хикэм, автор книги «Ракетные мальчики: мемуары»

Что послужило источником вдохновения для этой книги

Эта книга была написана в честь женщин и мужчин группы поддержки миссии STS-120, которые трудились не покладая рук день и ночь с 31 октября по 2 ноября 2007 года, чтобы спасти солнечную батарею Р6–4В Международной космической станции. Увы, их блестящая работа так и не была достойно отмечена. Их изобретательность, стойкость и командные действия спасли не только солнечную батарею МКС, но и многое другое. В эту замечательную команду входили:

- великий Кевин Пэр, ныне, увы, покойный;
- Дерек Хассманн, ведущий руководитель полета МКС;
- Дина Контелла, ведущий специалист по выходу в открытый космос;
- Сармад Азиз, ведущий специалист по робототехнике;
- Эллисон Болинджер, руководитель работ в открытом космосе;
- Скотт Стовер, ведущий специалист по управлению полетами;
- Ребекка Турз, менеджер комнаты оценки миссий NASA.

Группа № 4 Центра управления для проведения работ в непредвиденных обстоятельствах в составе Аннет Хасбрук (руководитель полета), Джона Рэя, Гленды Лоус, Кристи Хансен, Джо Таннера, Майка Стила, Эндрю Клема, Дины Смит, Роберта Пикла, Винсента Лакорта, Каузера Имтиаза, Дэйва МакКанна, Дона Кампилона, Курта Карлтона, Дэви Мур и Скотта Киперса.

Наши операторы голосовой связи Стив Суонсон и Кевин Форд.

Вся водолазная команда Лаборатории нейтральной плавучести.

Лаборатория виртуальной реальности: Дейв Хоман и Эвелин Мираллес.

Экипаж экспедиции МКС-16: Пегги, Клэй и Юрий.

Экипаж миссии STS-120: Пэмбо, Замбо, Флэмбо, Боити, Робо и Итальянский Жеребец.

Глава 1. На плечах гигантов

«Ни одно приключение нельзя назвать веселым, пока оно не закончилось»

– менеджер программы пониженной гравитации Дом (Доминик)

Дель Россо, NASA

Лагерь 2 на Эвересте, 2008 год

До восхода солнца на южной стороне горы Эверест еще далеко. Я сижу в палатке в Лагере 2 на высоте 21 000 футов (6400 метров) над уровнем моря, на пути к вершине. Восходящие потоки воздуха всю ночь пытались разорвать тонкие рипстопные нейлоновые стенки, и пока не намерены униматься, но спать мне мешает не пробирающий до костей холод и не яростные порывы ветра. Всему виной жгучая боль в спине.

Будильник в наручных часах зазвонил в 3:00 ночи. Я с усилием выбираюсь из спальника, решив не обращать внимания на свое состояние. Надев ботинки и кошки, затягиваю поясной ремень страховочной системы⁵ до тех пор, пока он не сдавливает меня клещами. Это помогает, и спина чувствует себя немного лучше, когда мы отправляемся навстречу предрассветному холоду.

Подъем из Лагеря 2 в Лагерь 3 означает ошеломляющий маршрут более чем на 3 тысячи футов вертикально вверх по твердому синему льду, в том числе по бергшунду⁶ – массивной трещине, образованной мигрирующим ледником, отколовшимся ото льда на горе выше.

В мою команду входят шерпы⁷ Камы и Анг Намья, а также Чип Поповичу, Вэнс Кук и Адам Яниковски, мой хороший друг, с которым я пытался покорить Денали⁸ несколько лет назад.

После того как мы перебираемся через расщелину по заранее намеченному направлению, мы поднимаемся по короткому почти вертикальному слою льда, чтобы попасть на саму «Стену»⁹ Лхоцзе¹⁰ – длинный, очень крутой ледяной склон, ведущий к Лагерю 3 на высоте 24 500 футов (7473 метра) над уровнем моря. За то, чтобы добраться до лагеря, я плачу недешево – 4 часа пути, боль в напряженной спине, и так далее.

Лагерь 3 – ближайшая (и, безусловно, наименее удобная) остановка на пути к вершине. Он расположен на нескольких небольших площадках, выбитых на очень крутом склоне горы. Альпинисты, как правило, стараются не выходить ночью из палаток по нужде, поскольку это

⁵ Страховочная система (обвязка) – один из наиболее важных элементов снаряжения, обеспечивающих безопасность при лазании/прохождении маршрута. У скалолазов включает поясную беседку с силовым кольцом. Термин «беседка» пришел из корабельного дела: так называли приспособление, в котором человек сидит во время подъема/спуска по борту, для проведения, например, покрасочных работ.

⁶ Бергшунд (нем. Bergschrund), подгорная трещина, разрыв толщи льда и фирна у основания склона горного ледника. Отделяет неподвижную, примерзшую к скалам часть ледника от подвижной. Бергшунд с нависающей стенкой – серьезное препятствие для горных туристов и альпинистов.

⁷ Шерпы (в единственном числе шерп и шерпа) – народность монголоидного типа, живущая в Восточном Непале, в районе Эвереста, а также в Индии, потомки тибетцев. Самоназвание – шаркхомбо. Традиционное занятие шерпов в Непале – земледелие (выращивание картофеля и овса), скотоводство (разведение яков); в Индии – торговля и участие в восхождениях, где они незаменимы как носильщики-проводники.

⁸ Денали (Тенада или Дилааси) – двуглавая гора на юге центральной части Аляски, высочайшая (6135 м) точка Северной Америки, находится в 210 км севернее Анкориджа, в центре национального парка Денали. С 1896 года до 28 августа 2015 года называлась Мак-Кинли в честь 25-го президента США.

⁹ В альпинизме «стена» – любой склон с крутизной, приближающейся к 60 градусам.

¹⁰ Четвертая по высоте (8516 м) гора мира. Находится в хребте Махалангур-Гимал на границе Непала с Китаем, в 3 км к югу от Джомолунгмы (Эверест), и отделена от последней перевалом Южное Седло.

опасно – рискуешь запутаться в веревках, поскользнуться и рухнуть вниз, сползти по склону Лхоцзе и закончить свое земное существование, разбившись вдребезги в бергшрунде и Долине Молчания в 2500 футах (760 метрах) ниже. Если мы хотим совершить успешный рывок к вершине, крайне важно отдохнуть здесь как можно лучше, и закинуться какой-нибудь пищей.

Прибыв в Лагерь 3, мы с приятелем Адамом спешим обустроиться задолго до заката. Когда я в конце концов, снимаю поясную обвязку, чтобы забраться в спальный мешок, боль и скованность возвращаются с прежней яростью. «Мне просто нужно немного поспать, – говорю я себе, – Тогда я смогу встать и пойти утром на вершину». Такое чувство, что кто-то полосует мои нижние позвонки ножом Рэмбо. Корчусь в спальном мешке, когда боль наступает и отступает волнами, снова и снова. Дышать трудно.

Делаю все, чтобы поддерживать себя в хорошей физической форме, но в реальности я – стареющий астронавт, а космические полеты не полезны для спины. Мысленно представляю свой позвоночник в виде «Падающей башни»¹¹, которая по ходу игры становится все менее жесткой. Двунюгость и прямохождение сыграли с людьми злую шутку: они реально разрушают позвоночный столб и межпозвоночные диски: даже у обычного человека эти невероятные нагрузки отзываются давлением на диски позвоночника до 16 килограмм на квадратный сантиметр.¹²

Но я – идеальный претендент на серьезные проблемы со спиной, и не только потому, что уже немолод и не молодею. Прибавьте рост 191 сантиметр (когда не сутулюсь), а затем учтите воздействия сильных перегрузок, которым я подвергаюсь при участии в соревнованиях по санному спорту и полетах на скоростных самолетах.

Наконец (что, скорее всего, еще важнее), мои многочисленные космические полеты и выходы в открытый космос означают, что возникновение заболеваний позвоночника почти так же неизбежно, как разрушение перегруженной шаткой «падающей башни». В невесомости позвоночный столб выпрямляется, и межпозвоночные диски набухают, пока на них не действует сила тяжести. Поэтому в космосе я бы подрос до внушительных 199 сантиметров в отсутствие силы тяжести, что достойно игрока Национальной баскетбольной ассоциации (к огромному сожалению, я подошел бы для нее ростом, но не талантом). Но возврат к гравитации всегда означает возвращение к первоначальному росту или даже чуть меньшему.

Для большинства астронавтов растягивание позвоночника в невесомости – рутина, поэтому размер скафандра выбирается с учетом временного увеличения роста. Это в теории. Инженеры NASA накидывают лишний дюйм к длине его верхней жесткой части, но этого всегда маловато, и перед выходом в открытый космос упираешься макушкой в шлем – «костюмчик» явно маловат. Через несколько минут тело приспособливается: скафандр, по-видимому, создает избыточное давление на бедные межпозвоночные диски и сжимает позвоночник, убирая лишнюю высоту.

Я знаю, что моя боль в спине – большая проблема здесь, на горе. Но время уходит, а на карту поставлено многое. Подъем на Эверест¹³ зависит от множества факторов, и большинство

¹¹ Настольная игра Jenga, придуманная в 1970-х англичанином Лесли Скоттом: перед соревнованием из ровных деревянных брусков строится башня (направление укладки каждого нового этажа чередуется), а затем игроки начинают аккуратно вынимать по одному бруску и класть его наверх; башня становится все более высокой и все менее устойчивой.

¹² 1 A. Schultz et al., "Loads on the Lumbar Spine. Validation of a Biomechanical Analysis by Measurements of Intradiscal Pressures and Myoelectric Signals," Journal of Bone & Joint Surgery 64, no. 5 (1982): 713–20. – Прим. авт.

¹³ Мы знаем гору под именами Эверест и Джомолунгма. Последнее название пришло из Тибета и в переводе означает «Божественная (qomo) мать (ma) жизни (lung)». Однако в Непале гору называют Сагарматха («Лоб в небе»), а сама она является частью непальского Национального парка «Сагарматха». Эверестом гору назвал британец Эндрю Во: геодезисту не удалось найти единое общепринятое название даже после тщательного изучения всех карт окружающей местности и общения с ее жителями, и он принял решение назвать гору в честь Джорджа Эвереста – географа, работавшего в Индии, руководителя британской команды, которая первой исследовала Гималаи. Сам Эверест отказался от такой чести, но все же британские представители в 1865 году изменили название горы, которую до этого называли просто «15-м пиком».

альпинистов в Гималаях стремятся успеть к сезону дождей до наступления летнего снегопада, потому что в это время, как правило, немного теплее. В мае, как правило, есть «метеорологическое окно» продолжительностью в одну-две недели, когда условия самые благоприятные. Тем не менее, даже тогда температура в среднем составляет -25°C , а скорость ветра порой достигает 22 метров в секунду.

Большинство людей не знают, что вершина горы почти уходит в стратосферу – вот как она высока. Здесь в полной мере ощущается мощь восходящих потоков воздуха, которые обрушиваются на гору со скоростью до 78 метров в секунду. Для сравнения: тропический шторм считается ураганом, когда скорость ветра в нем достигает всего 33 метров в секунду, а ураган 5-й категории, самый сильный, достигает максимума скорости в 70 метров в секунду. Это означает, что ветры Эвереста следовало бы отнести к ураганам 6-й или даже более высокой категории, если бы эти категории существовали; температура же здесь может упасть до -73°C .

Сегодня уже 59-й день моей экспедиции на вершину мира. Я строил планы и расчеты, надеясь на успех, но готовясь и к серьезным препятствиям на пути, совершил 4 похода*¹⁴ по мучительному, почти вертикальному и зачастую смертельно опасному ледопаду Кхумбу,¹⁵ замерзшей реке из смеси снега и ледяных глыб, покрытой головокружительными трещинами, распахивающимися под ногами, иногда на глубину более 45 метров. Я вонзал кошки на своих ботинках в твердый синий лед Стены Лхоцзе, поднимаясь выше, чем когда бы то ни было прежде, чувствуя, как молочная кислота жжет мышцы ног, а вздымающиеся легкие предупреждают, что я уже почти на пределе. И сейчас я пытаюсь взобраться туда, куда люди никогда не должны были ступать, и жду не дожусь, когда спина почувствует себя лучше. Эксперты рекомендуют проводить на этой высоте не более 48 часов,¹⁶ иначе организм начинает разрушаться, следовательно, у меня мало времени. Больше всего мне сейчас нужно отдохнуть в Лагере 3 и дать спине шанс исцелиться. Если это еще возможно.

Адам засыпает в палатке перед закатом, глаза прикрыты банданой, на лице – кислородная маска. Он немедленно начинает храпеть, глубокие вдохи чередуются с периодами тихого апноэ. Звучит жутко и напоминает предсмертный хрип, но рациональная часть моего мозга говорит мне: это просто физиологическое состояние, известное как дыхание Чейна-Стокса,¹⁷ нормальное на этих экстремальных высотах.

Я бы отдал все, что угодно, чтобы захрапеть самому, но вместо этого следующие 12 часов провожу, ворочаясь в спальнике, тщетно пытаюсь отыскать такое положение тела, в котором боль уймется или хотя бы ослабнет на ступеньку. В аптечке для экстренных случаев есть несколько таблеток оксикодона,¹⁸ но на такой высоте даже малая доза наркотических средств

¹⁴ Процесс высотной акклиматизации занимает несколько недель и заключается в выполнении вылазок в горы на постепенно увеличивающуюся высоту, чтобы альпинист привык к атмосфере, плотность которой падает. В организме при этом происходит широкий спектр биохимических и физиологических изменений, например, начинает вырабатываться больше эритроцитов для захвата ограниченного количества молекул кислорода во вдыхаемом воздухе. – *Прим. авт.*

¹⁵ Ледопад Кхумбу – верхняя часть ледника в непальском регионе Кхумбу, стекающего с Эвереста с юга и находящаяся на высоте 5486 м на склонах, обращенных в Непал. Ледопад Кхумбу – самый опасный участок маршрута восхождения на Эверест через Южное седло, так как он постоянно находится в движении – вследствие неравномерной скорости течения льда его поверхность покрыта хаотическими разрывами, трещинами и ледовыми стенами, и там часто происходят ледовые обвалы.

¹⁶ Термин «летальная зона» или, иначе, «зона смерти» ввел руководитель швейцарской экспедиции на Эверест 1952 года Эдуард Висс-Дюнан, высказавший мнение, что существуют лимиты, выход за которые губелен для альпинистов. На высотах более 8000 м человек может находиться за счет внутренних резервов не более 2–3 дней, постепенно теряя сопротивляемость: здесь кислорода для работы мозга недостаточно, рассудок мутится, а клетки начинают самопроизвольно массово умирать. Из-за сочетания остальных факторов и изменений в самом человеческом организме (главным образом, из-за чрезмерного загустения крови) альпинисты страдают от высотной болезни, подвержены риску инфаркта и инсульта.

¹⁷ Дыхание Чейна-Стокса (также известно как периодическое дыхание) характеризуется нарастанием поверхностных и редких дыхательных движений, которые постепенно углубляются и, достигнув максимума на пятый-седьмой вдох, вновь ослабевают и стихают, после чего наступает пауза – *Прим. авт.*

¹⁸ Обезболивающее, полусинтетический опиоид, созданных в попытке улучшить или заменить такие вещества, как морфин, диацетилморфин и кодеин.

может привести к остановке дыхания. Я решаю, что дышать важнее, и терплю боль. Все, что у меня есть этой очень долгой ночью – лед, неловкие попытки вытянуться в спальном мешке и большие надежды на исцеление.

Это худший из возможных кошмаров: всего в 24 часах пути от вершины моей мечты я всю ночь не могу заснуть от жгучей боли, а с утра становится и того хуже. Что это, черт побери, такое? Корчусь в спальном мешке, пока боль то накатывает, то отступает. Сейчас, на высоте 24 тысяч футов, где кислорода в воздухе всего 40 % от того, что есть на уровне моря, дышать еще труднее. Несмотря на то, что я провел в горах уже почти 8 недель и, как мне казалось, привык к разреженному воздуху, сейчас ощущения таковы, как будто меня медленно душат. Но когда меня от боли кидает в холодный пот, недостаток кислорода отходит на второй план.

Каждые 30 секунд в течение ночи поворачиваюсь с боку на бок и вместо отдыха ощущаю полное и крайнее истощение. Это похоже на худшее из моих дежурств в больнице, во время которого приходилось бегать к пациентам всю ночь напролет, однако сейчас у меня еще есть ощущения гипоксии, некоторого обезвоживания и недоедания, а также здоровая порция боли. Это не входило в мои планы.

Я явно не готов к восхождению, но ровно в 5:30 шерпы Ками и Анг Намья расстегивают молнию на палатке, засовывают внутрь головы и передают нам кипяток, чтобы мы могли приготовить чай и съесть немного овсянки. Они стремятся подняться по «Стене Лхоцзе», чтобы быстрее добраться до вершины из нашей следующей точки назначения – Лагеря 4, также известного как «Южный Кол».

Удастся ли мне это сделать?

Адам снимает бандану, садится и смотрит на меня. Хмурится, отзеркаливая мою собственную гримасу, глядя в мои налитые кровью глаза, смотрящие на него поверх кислородной маски.

«Чувствую себя погано, но должен попробовать», – говорю я достаточно громко, чтобы он услышал меня сквозь маску.

Он понимающе кивает, вылезает из спальника и одевается, а затем поворачивается, чтобы помочь мне. На этот раз я не могу экипироваться самостоятельно: я спал в толстом утепленном костюме, и теперь мне нужна помощь, чтобы забраться в ременную обвязку и громоздкие ботинки, которые промерзли до -50°C . Несколько раз я вынужден останавливать Адама, чтобы стихли спазмы в нижней части спины, прежде чем продолжать. Стараюсь не кричать и не плакать.

Час спустя, в 6:30, мы почти готовы, и я заставляю себя выбраться из палатки. Команда по очереди помогает мне приладить кошки, а радио в это время передает голоса наших товарищей по команде Кейси и Ари, празднующих подъем на вершину. В их голосах звучит радость, но мне становится стыдно, когда понимаю, что испытываю зависть, а не счастье.

Боже, каким же мелочным я могу быть... Избавься от этого, просто радуйся за них и забудь эту чертову боль! Мои друзья стоят на вершине самой высокой горы в мире, и если спина уймется и не будет мешать, я тоже буду там всего через 24 коротких часа.

Погода наверху сегодня отличная, – 25°C , а ветер – менее 7 метров в секунду. Прежде чем стартовать, я хочу сесть и попробовать вытянуть спину, но места не хватает. Трудно даже поворачиваться, пока Ками заменяет мне кислородный баллон для предстоящего восхождения. Этот процесс на некоторое время отвлекает меня от боли, но когда я снаряжен, судороги возвращаются с удвоенной силой. Нет больше сил стоять вертикально. Навалившаяся боль заставляет скорчиться между палатками, где я размышляю о своем положении.

На работе я взял двухмесячный отпуск, оставил дома (несчастную) жену и двух замечательных детей и расписался над пунктирной линией, взяв 40 000 долларов под залог дома, чтобы оплатить кредит за это приключение. Проваливаясь в уныние («скорее всего, моя мечта никогда не сбудется, много времени, сил и денег потрачено впустую»), вдруг ясно вижу

Южную Вершину над правым плечом. Она мучительно близко и до нее осталось всего около суток пути. Снова шевелится надежда: может быть, смогу, может, надо просто прекратить склывать... Разве нельзя пересилить себя и преодолеть это?

Знаю, у меня не так много времени, чтобы понять, справлюсь ли я. Вижу и слышу, как другие затягивают страховочную систему и поднимают рюкзаки. Сейчас или никогда! Но я в мучительной нерешительности и не уверен, должен ли пойти со своей командой.

В голове крутятся вопросы: если сегодня повернусь спиной к вершине, дождусь ли еще одной попытки? Смогу ли позволить себе это? Согласится ли на вторую попытку жена? Останется ли у меня вообще жена после такого?

Если я пойду, как это повлияет на шансы подняться на вершину для моих товарищей по команде? Скорее всего, они останутся со мной, особенно если спине станет хуже, или я попаду в трудное положение. Честно ли это по отношению к ним? Речь идет не только о моем самопожертвовании. Если боль усилится, и рухну, умру ли я? Окажутся ли мои товарищи по команде в смертельной ситуации, и тоже будут рисковать своими жизнями?

«Пытаешься подняться, да?» – голос шерпа Ками выдерживает меня из мучительного раздумья, и я вижу этого постоянно улыбающегося Железного Человека из Гималаев. Он смотрит на меня с серьезным беспокойством.

Не уверен, что собирался сделать именно это, но, хотя мне не хватает ни твердости, ни сил, решаюсь проверить. Поясницу полностью свело, я с трудом поднимаюсь на ноги и занимаю очень неустойчивое положение. Пока спина карает меня за каждое движение, я стою, задержав дыхание, а затем, несколько секунд спустя, медленно начинаю прокладывать путь к четким линиям крутых скал всего в пятидесяти футах от меня. Иду как переломанный человек Франкенштейна, но это лучшее, на что я способен. Может быть – ну, теоретически – моя спина расслабится, как только я пойду.

Не впервые сталкиваюсь с такой дилеммой. Иногда просто некуда идти, кроме как вверх.

Глава 2. В ожидании развязки

*«Хороший альпинист планирует восхождение наперед»
– Джон Лонг, «Как заниматься скалолазанием»*

Саут-Платт, Колорадо, 1992 год

Я на какой-то сумасшедшей высоте и за каким-то чертом залез сюда без страховки между мной и Джоном. Если что-то и помешает мне скатиться к самой начальной точке маршрута – то россыпь зубчатых валунов на пути.

Остальной мир исчезает, оставляя меня наедине с почти безупречно гладкой каменной стеной. Я тщательно осматриваю крутую гранитную глыбу на предмет потенциальных трещин, куда можно вставить небольшое кулачковое устройство типа эксцентричной закладки с проволочной петлей.¹⁹ Я бы отдал все, что угодно, за крюк и карабин на этой стене. Падение с высоты в 30 или 40 футов будет очень, очень болезненным. Похоже, я влип.

Растопырив руки как геккон, прижимаюсь к грубому граниту, чувствуя крошечные неровности в камне – нет ничего, за что можно зацепиться.

Вижу трещину слева. Подойдет? Нет, слишком далеко.

Но справа что-то есть; небольшой выступ, до которого я дотянусь, если смогу продвигаться еще на 10 футов или около того. Что-то похожее на шишку. Могу ли я подтянуться на дюйм выше? Нет, тоже не могу. Ничего твердого, на что можно было бы наступить, только микроскопические шероховатости в желтовато-коричневом граните, куда можно просунуть пальцы. Мне придется сделать рывок к этой шишке, но она выступает недостаточно, чтобы зацепиться за нее, поэтому я застрял, застыл на месте, подошвы распластались по скале и прилипли к ней из-за трения, сомнений и быстро нарастающего страха.

Вдыхаю запах нагретых солнцем скал и сосен, а руки потеют несмотря на магнезию²⁰. Чувствую, как начинает колотиться сердце. Икроножные мышцы горят, а потом начинают безудержно дрожать, словно в эпилептическом припадке. Не ноги, а иголка в швейной машинке. Вот это очень плохо. Это значит, я у границы истощения и паники. Смотрю вниз – теперь и Джон знает, что у меня проблемы.

– Не могу вбить ни одного колышка, – говорю я Джону, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал спокойно и ровно, но он немного срывается. – Эй, где следующее место, куда можно закрепить страховку?

– Просто продолжай, – Джон, как обычно, немногословен и хладнокровен.

Вот дерьмо.

Неподходящее время для смерти: я только-только собрался уехать в Хьюстон.

Выбранный из тысяч добровольцев для подготовки в астронавты, я надеюсь воплотить в жизнь свою детскую мечту. У меня перед глазами уже бегут унизительные заголовки: «После падения новобранца-астронавта с 30-футового обрыва остался огромный кратер». Та-дам... Жалкий конец.

Мы с приятелем Джоном Макголдриком выехали из Денвера рано утром, побросав альпинистское снаряжение в кузов моего пыльно-синего «Рэнглера». Подпевая гитарным риффам с затертой кассеты Dire Straits, я еще не осознал, насколько подойдет название этой группы²¹ к

¹⁹ Также известное как пробка (Chockstone). – Прим. авт.

²⁰ Для увеличения надежности хвата скалолазы обсыпают ладони спортивной магнезией – мелко размолотой солью магния, которая подсушивает руки и увеличивает коэффициент трения.

²¹ Название британской рок-группы, основанной в 1977 году Марком и Дэвидом Нопфлерами, Джоном Иллсли и Пиком Уизерсом переводится на русский как «Стесненные обстоятельства».

предстоящему подъему. Мы направились к Саут-Платт недалеко от Колорадо-Спрингс и Пайн-Джанкшн, обширной области гранитных куполов, скал и утесов, где на сотнях квадратных миль раскинулось больше двух тысяч альпинистских маршрутов. Планировалось подняться по трассе «Лефт-Аут» на скале Бакснорт, где есть некоторое количество классических трасс по прекрасному граниту. Печально известная «Щель Сфинкса», один из самых сложных технически скалолазных маршрутов в Америке, притаилась через дорогу. Мы приехали поздним утром и бросились с места в карьер, готовясь к первому восхождению за день.

Мы с Джоном участвуем в программе ординатуры по обучению неотложной медицинской помощи. Худой и обветренный Джон немного старше меня. Несколько лет он вкушал прелести жизни на Аляске: работал рудокопом, плотником, золотоискателем и альпинистом-инструктором, ночуя то в кузове своего грузовика, то в сломанном школьном автобусе, а потом и в доме, который выстроил себе сам. Затем продал все нажитое и вернулся с Аляски, чтобы в 48 лет поступить в мединститут. «Обычный путь в карьере медицинского работника», ну, вы понимаете... Сейчас Джон – главный ординатор программы по оказанию неотложной помощи, чертовски хороший альпинист и мой наставник по скалолазанию.

Будучи опытнее и старше, он часто выступает ведущим в нашей паре. Вместе с ним я уже ходил на «Лефт-Аут»; мы устанавливали верхнюю страховку, чтобы подняться на утес с левой стороны, а также якорь (систему блоков) в верхней части трассы. Вся прелесть верхней страховки в том, что если сорвешься, твой напарник, контролирующий веревку, не даст пролететь больше пары футов.

Для преодоления более сложных маршрутов ведущего альпиниста страхует ведомый, а это означает серьезные пробелы в безопасности и, возможно, падения с больших высот. Если сорвешься, находясь в десяти футах над последней точкой привязки, придется пережить стремительное падение, по крайней мере, на двадцать футов, до момента резкой остановки. При условии, что у партнера молниеносная реакция.

Утро я начал готовым к захватывающей задаче – идти по трассе первым, на верхнем конце веревки, с нижней страховкой. Я готов был отринуть комфорт и окунуться в проблемы, волнения и опасности скалолазания.

Смена ведущего на подъеме – это нечто особенное, что трудно объяснить людям, которые никогда этого не испытывали.

Но теперь, когда я повис на стене, разум под воздействием адреналина постепенно проясняется. Я осознаю, что пренебрег проверкой сложности этого конкретного маршрута. Не будь я столь небрежен, и я бы понял, что эта особенно гладкая гранитная стена с очень небольшим числом точек крепления – без трещин, зацепов, выступов, шлямбуров, без верхней страховки на экстренный случай – это нечто.

Вижу вокруг себя лишь несколько шероховатых пятен, мелкие вмятины и каменную рябь. Это все, и этого недостаточно. У меня с собой есть карабины, проволока, закладки и веревки. Лишний груз. Как ведущий в паре я снаряжался для того, чтобы подниматься, ни за что не цепляясь. Спасательный круг бесполезен, когда он ни к чему не привязан.

Выживание зависит от правильного выбора точки, куда ступить, спокойного расчета, и таких же спокойных поисков неровностей в камне, на которые можно поставить ногу. Крошечные точки опоры на отвесной скале дают меньше контакта, меньше трения и меньше остановок – все это создает невероятную нагрузку на ноги. Для того, чтобы поддерживать равновесие при таком ограниченном трении, требуются сильнейшая концентрация и контроль. Об этом стоило помнить лучше.

Мой роман со скалолазанием начался давным-давно в Греции. Когда-то ветер сточил коричневые горы над приморской Глифадой, южным пригородом Афин, а солнце прожарило насквозь все остальное. По этим лысым холмам я начал подниматься без страховки в пятнадцать лет.

По выходным взбегал по склонам, обходя выбоины, в которых можно было вывихнуть лодыжку, предпочитая подъем вверх по выбранным валунам.

В воображении крутилось невероятное кино: я карабкаюсь по пугающей северной стене Эйгера²² или вбиваю кошки в последние ступени, ведущие на седую вершину Эвереста. Мое сердце бешено колотилось, а легкие трепетали от возбуждения и адреналина. Я переносился в мифические горы, о которых так часто читал, представлял себе, что поднимаюсь вместе с героями-альпинистами – Морисом Эрцогом²³, Джоном Харлином²⁴, Генрихом Харрером²⁵, Джорджем Мэллори²⁶, Эндрю Ирвином²⁷, Эдмундом Хиллари²⁸, Тенцингом Норгеем²⁹, Крисом Бонингтоном³⁰, Райнхольдом Месснером³¹. Прокручивая как мантру этот список в своей голове, иногда даже осмеливался добавить – «и Скоттом Паразински».

Однако в Афинах не было таинственных зияющих трещин или ледяных башен высотой с небоскреб. Только распушенный ветром дикий лук и разбросанные между глыбами и осыпями сорняки по колено.

Но, замороженный воображаемыми картинками, питаемыми литературной классикой по исследованию гор, которую я глотал в детстве в огромных количествах, я видел вокруг себя крутые обрывы и величественные пейзажи, доступные прежде лишь немногим.

Очень хотелось когда-нибудь подняться в редкий, дурманящий воздух, о котором читал... Однако мне было еще очень далеко до этих потрясающих вершин – и по годам, и по расстоянию, и по моим собственным навыкам.

Среди камней скрывалась золотая жила для подростка-мусорщика: после ужасов Второй мировой войны, полыхавшей 10-летиями ранее, когда греки сражались с захватчиками, земля была усеяна старыми пулями, ржавыми ящикам из-под боеприпасов и неразорвавшимися минометными снарядами. Однажды мы с приятелем наткнулись на одну такую мину – она была слегка помята, но почти нетронута. Хорошо, что в юности все мы «молоды и бессмертны», поскольку охота на неразорвавшиеся боеприпасы, которым уже много 10-летий, не всегда заканчивается удачно. К счастью, раскопки в древнем мусоре так и не принесли мне премию Дарвина³².

Повзрослев, я продолжил пешие походы и лазал по скалам, где мог. В конце концов я увлекся лазанием по замерзшим водопадам: вооружившись ледорубами, примотанными к рукам, и стальными кошками, надетыми на ботинки, я стал похож на зимнюю версию Человека-паука.

²² Eiger – горная вершина в Бернских Альпах высотой 3970 м над уровнем моря. Вместе с вершинами Юнгфрау (4158 м) и Менх (4107 м) образует знаменитое трио, возвышающееся над окружающим ландшафтом.

²³ Морис Эрцог (фр. Maurice Herzog; 1919–2012) – французский альпинист и политик.

²⁴ Джон Харлин (John Harlin, 1934–1966) – американский альпинист.

²⁵ Генрих Харрер (нем. Heinrich Harrer; 1912–2006) – австрийский путешественник, альпинист и писатель.

²⁶ Джордж Герберт Ли Мэллори (англ. George Herbert Leigh Mallory; 1886–1924) – альпинист, участник трех британских экспедиций на Эверест (1921, 1922, 1924).

²⁷ Эндрю «Сэнди» Конвин Ирвин (англ. Andrew "Sandy" Conwyn Irvine (1902–1924)) – альпинист, участник 3-ей Британской экспедиции на Эверест (1924).

²⁸ Эдмунд Персиваль Хиллари (англ. Sir Edmund Percival Hillary, 1919–2008) – новозеландский исследователь и альпинист. Один из двух первовосходителей на Эверест (29 мая 1953) вместе с шерпом Тенцингом.

²⁹ Тенцинг Норгей (1914–1986) – непальский шерп, альпинист. Один из двух людей (с Эдмундом Хиллари), первыми покоривших высочайшую вершину мира – Эверест.

³⁰ Кристиан Джон Стори Бонингтон (англ. Christian John Storey Bonington) – британский альпинист, фотожурналист, писатель.

³¹ Райнхольд Месснер (нем. Reinhold Messner) – итальянский альпинист, первым покоривший все 14 «восьмитысячников» мира, некоторые из них в одиночку.

³² Darwin Awards – виртуальная антинаграда, которая ежегодно присуждается лицам, наиболее глупым способом погибшим или потерявшим способность иметь детей и в результате лишившим себя возможности внести вклад в генофонд человечества, тем самым потенциально улучшив его.

Моя любовь к горам в конечном итоге привела меня в программу по обучению неотложной медицинской помощи в Колорадо, где я мог еще больше времени проводить на горном воздухе, прокладывая пути по пересеченным хребтам, куда осмелились бы ступить немногие. Там я встретился с удивительной свободой, окруженной такими перспективами, которые быстро стали одной из величайших страстей моей жизни.

Кричу Джону: «Какая здесь категория сложности?»

«5.10X»

Что? Это не то, что я хотел услышать. В десятичной рейтинговой системе Йосемити³³ «5.10X» означает, что если ошибешься, все кончено. Если упадешь – умрешь.

«Слезу – убью!», – кричу я Джону, но не уверен, что мне вообще представится такая возможность.

Теперь я не только напуган, но и зол. Злость буквально клокочет во мне. О чем я только думал? Этого не могло случиться даже в дурном сне! Джон, кажется, всегда знает, что делает, и никогда не показывает никаких внешних признаков страха. Обычно он ведущий, я ведомый, и восхождения проходят легко. Он излучает уверенность и опыт. Я ему доверяю потому, что никогда раньше он не вводил меня в заблуждение: считаю, что он знает мои навыки и уверен, что я могу быть ведущим на восхождении. Но это точно не укладывается в моей голове: о чем, черт возьми, он думал? Хотя, если честно, в происходящем вины Джона нет. Снизу подъем не выглядел опасным, когда я поправлял свою «беседку» и рассматривал маршрут, по которому уже поднимался несколько раз с верхней страховкой.

Поскольку поверхность скалы гладкая, и ни слева, ни справа нет ничего, что могло бы мне помочь, я могу либо попытаться сползти вниз – и, возможно, упасть и сломать несколько костей – либо подняться, используя свои навыки. Других вариантов нет.

Кажется, что я цепляюсь за скалу уже целых 10 часов, хотя на самом деле проходит всего 10 минут. Смотрю вверх, напрягая шею, и, наконец, вижу небольшой выступ несколькими футами выше. Над выступом скала имеет небольшой изгиб в сторону, а это означает, что уклон там уменьшается, и управляться будет чуть легче. Уже один этот факт помогает немного расслабиться и дышать глубже. Но я должен преодолеть судороги в ногах, если намерен выжить.

Чуть замедляю дыхание, затем еще и еще.

Ты уже совершал это восхождение раньше. Другого пути вниз нет. Ты должен пойти на это.

Снова смотрю вверх, прикидываю, куда поставить руки и ноги, и начинаю. 10 минут спустя я нахожусь на верхнем конце веревки и пристегнут к якорю. Готово.

Нет теплого, обволакивающего чувства успеха или достижения. Просто радуюсь тому, что выжил. Оглядываясь назад: это было самое страшное, что я когда-либо делал в космосе, в небе, на земле или в море. Включая ситуацию, когда я рисковал сорваться в вулкан.

Я не упал, поэтому не умер.

Сделав первые несколько шагов по скале, вхожу в очень знакомое состояние сверхсосредоточенности: в центре сознания остается только материальная головоломка, которую нужно решить, остальной мир просто исчезает. Я буквально погружаюсь в гладкую скальную стенку передо мной.

Со временем я научился переходить «в поток»³⁴, где могу отключиться от посторонних вещей, не способствующих успеху. Очнусь, когда это будет действительно важно, хотя не

³³ Yosemite Decimal System (YDS) – наиболее популярная в США система градации маршрутов согласно их технической сложности и опасности для жизни восходителя. Первая цифра обозначает класс восхождения (от простой горной прогулки (1) до использования искусственных точек опоры (6), вторая определяет трудность. В данном случае речь идет о техническом восхождении с использованием страховки (или свободном лазании), сопряженном с максимальной опасностью для жизни.

³⁴ Поток, потоковое состояние (англ. flow, лат. influunt). – психическое состояние, в котором человек сфокусирован на одном деле и полностью в него погружен. Главные характеристики потока – высокая работоспособность, полная сосредото-

совсем уверен, как именно. Высокая эффективность, когда находишься на пике своих сил и не можешь ошибаться, опирается на предварительную визуализацию предстоящего события, что означает изучение и тщательную подготовку. Но при первой серьезной трудности на этом подъеме я запаниковал вместо того, чтобы войти в поток. Растерянность взяла верх над эффективностью, и это могло меня убить. Неглубокое паническое дыхание и недостаток внимания – первые шаги на пути к катастрофе.

Облегчение разливается по телу, заполненному молочной кислотой, очищая голову от запаха страха, земли и пота. Позволяю себе выругаться, осознав, что виноват именно я, а не Джон. Именно я оказался слишком самоуверен, расслабился и позволил себе попасть в рискованную ситуацию. Оказался слишком доверчив и напрасно успокоился, не задав заранее нужных вопросов. Все свелось к тому, что оставались только я и скала, и скала почти победила. Не имел представления о трудностях, действовал слишком небрежно. Слишком глупо.

В следующий раз все будет иначе. Если посчастливится пройти подготовку в астронавты, получить назначение в полет и, возможно – если действительно повезет – выйти в открытый космос, повторения не будет. Ставки слишком высоки, там второго шанса нет. И никаких трясущихся ног.

ченность на своей деятельности, высокая активность в рамках текущего занятия. Кроме того, человек в потоке демонстрирует позитивный настрой, уверенность в себе и в своих силах. При этом поток не является чем-то уникальным, это состояние испытывают многие ученые, исследователи, успешные бизнесмены, руководители и рядовые люди. Нахождение в потоке не ограничивается какой-то одной определенной сферой, процессом – оно распространяется на все сферы деятельности, в которые вовлечен конкретный человек.

Глава 3. Ракетный мальчик

*«Именно возможность осуществления мечты и делает жизнь интересной»
– Пауло Коэльо, «Алхимик»*

Гора Олимп, Марс, 1979 год

Я – ребенок. Если я хочу полететь на Марс, я просто закрываю глаза и слышу: «Хьюстон, «Одиссей» совершил посадку». Через несколько минут в скафандре вылезая из люка и спускаюсь по лестнице на Красную планету.

Смотрю вниз и вижу свои ноги, обутые в большие белые ботинки с серыми резиновыми мысками. Медленно спускаюсь по лестнице. Золотистый светофильтр защищает глаза от яркого солнечного света. Крепко сжимаю руки в космических перчатках, внутри пузыря гермошлема слышится мое шумное дыхание.

Осторожно спускаюсь на последнюю ступеньку, вспоминая о миллионах людей, которые, вероятно, сейчас смотрят телевизор. Ставки высоки: я хочу, чтобы страна гордилась мной, глядя на американский флаг на моем плече и надпись NASA у меня на груди.

Перед тем, как сойти с лестницы, я репетирую свою речь. После чего ступаю ботинками на ржавую марсианскую почву. Осматриваюсь и вижу груды камней, скалистые горы и желто-белые облака на небе.

Есть ли здесь живые существа? Если за этими горами живут марсиане, как они выглядят? Надеюсь, что они дружелюбны и знают, что мы, люди, пришли с миром. Оставляю табличку с выгравированной надписью: «Здесь люди с планеты Земля впервые ступили на планету Марс. Июль 1979 года». (Кеннеди отправил человека на Луну в 1969-м, поэтому я подсчитал: чтобы отправить кого-то (надеюсь, меня) на Марс понадобится еще около десяти лет).

Но сначала у меня есть важное послание для всех на Земле. Я прочищаю горло и глубоко вздыхаю. «Это маленький шаг для человека, но гигантский скачок для человечества и для вселенной»³⁵. Нил Армстронг – самый крутой человек в мире, поэтому мне не нужно слишком много добавлять к его словам.

Хотя я еще не добрался до Марса (пока), страсть к путешествиям унаследована от родителей, которые, вероятно, сразу купили бы билеты на Марс, если бы могли.

Моя мама, Линда Марш Гайард, родилась в 1937 году в Минеоле, штат Нью-Йорк, и вместе с младшей сестрой Стефани воспитывалась на Лонг-Айленде отцом-офтальмологом и матерью-медсестрой. Маленькая и белокурая, со страстью к моде, мама была капитаном школьной группы чирлидерш³⁶, а затем изучала французский в колледже Кеука в северной части штата Нью-Йорк. Однажды летом в середине учебного года, незадолго до неожиданной смерти своего отца, она уплыла на работу в лагерь YMCA³⁷ в Австрии для детей беженцев, спасающихся от Венгерской революции³⁸. В свободное время она поехала по Европе, и тем летом

³⁵ «Это один маленький шаг для человека и огромный скачок для человечества». – слова, которые произнес Нил Армстронг, вступая на поверхность Луны 20 июля 1969 года.

³⁶ Чирлидинг (Cheerleading – cheer – одобрительное, призывное восклицание и lead – вести, управлять) – американский вид спорта, сочетающий элементы шоу и зрелищных видов спорта (танцы, гимнастика, акробатика).

³⁷ YMCA (Young Men's Christian Association) – «Юношеская христианская ассоциация», молодежная волонтерская организация, известная благодаря организации детских лагерей. Основана в Лондоне в 1844 году и насчитывает около 45 миллионов участников в более чем 130 странах мира.

³⁸ Вооруженное восстание (в постсоветский период известное как «Венгерская революция 1956 года») против просоветского режима народной республики в Венгрии 23 октября – 9 ноября 1956 года, подавленное советскими войсками.

решила, что путешествия станут ее основным призванием в жизни. Когда она закончила колледж, она стала стюардессой авиакомпании Eastern Air Lines.

Мой папа, Джон «Эд» Эдвард Паразински, родился в 1935 году в Баллстон-Спа, Нью-Йорк и был единственным ребенком в семье. Он вырос в Саратога-Спрингс, где город вращался вокруг ипподрома, самого старого в стране. Долговязый, с быстрой реакцией и не совсем обычным чувством юмора, папа учился в Корнелльском университете, получая стипендии, в том числе от Учебного корпуса офицеров запаса ВВС США. Всего за 6 лет он получил диплом инженера и магистра делового администрирования. Потомок польских иммигрантов, которые прибыли в Штаты через остров Эллис, он первым в своей семье поступил в колледж, играл на саксофоне в джаз-бэнде диксиленд и всегда говорил, что «если бы тратил время и на учебу тоже, то мог бы получить еще одну степень».

Мама и папа познакомились на студенческой вечеринке в весенние каникулы в Корнелле.

Работа стюардессой оказалась недолгой – Эд сделал Линде предложение, они поженились на Лонг-Айленде и как следствие общей страсти к путешествиям разорились на трехнедельный медовый месяц в Европе.

Папа начал свою службу в Учебном корпусе офицеров запаса лейтенантом на инженерных должностях. Шаг первый: поездка через всю страну к первому месту назначению на базу ВВС Макклеллан в Сакраменто, штат Калифорния, где мама устроилась на работу учительницей французского и испанского языков в средней школе.

Шаг второй: авиабаза Литтл-Рок, штат Арканзас, где папа занимался пусковыми установками межконтинентальных баллистических ракет «Титан II» – системы оружия времен холодной войны, включающей 54 пусковых комплекса в трех штатах. «Титаны II» несли ядерные боеголовки по 9 мегатонн каждая и могли быть запущены для поражения целей, расположенных в Китае и Советском Союзе на расстоянии в несколько тысяч километров от места старта.

Когда мама была на 6 месяце беременности, родители решили организовать каникулы в Рио и записались на военный самолет. Полет был отложен на неделю из-за высадки в Заливе Свиней³⁹, но, несмотря на это, они прекрасно провели время в Бразилии. Семейная шутка о том, что я путешествовал еще до того, как появился на свет, унаследовав страсть к приключениям молодой пары, многое говорит о моем врожденном авантюризме.

Я родился 28 июля 1961 года в Литтл-Роке, всего через три месяца после первого космического полета русского космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Мама говорит, что я был самым счастливым малышом, какого только можно вообразить, высоким и худым ребенком-попрыгунчиком. Научившись вставать в кроватке, я также научился быстренько переползать по полу к окну, откуда махал рукой другим жителям нашего жилого комплекса, идущим на работу. Каждый день. Не мог дождаться, чтобы выйти из квартиры и тоже отправиться куда-нибудь.

Когда мне исполнился год, мы переехали в Новый Орлеан. Папа перешел из ВВС в Boeing для участия в лунной программе Apollo. Эта компания получила контракт NASA на разработку и постройку первой ступени могучего «Сатурна» – ракеты-носителя корабля «Аполлон». Работа была долгой и захватывающей. Вскоре после этого, в середине первого класса, мы в конечном итоге переехали на восток, и папа продолжил работать на Boeing из Вашингтона, округ Колумбия, в штаб-квартире NASA.

Мне нравится папина мастерская в подвале в Арлингтоне, и впридачу папа позволяет возиться с его инструментами. Я учусь угадывать, что он делает, и подбегаю, чтобы помочь, когда смогу. Мне нравится процесс созидания – проектирование, планирование и покупка

³⁹ Вторжение в бухту Кочинос (операция «Заплата»), известное также как высадка в заливе Свиней – военная операция, организованная в апреле 1961 года при участии американского правительства для свержения правительства Фиделя Кастро на Кубе.

материалов, затем резка, сверление, ковка и крепление болтами. Папа помогает мне делать модели ракет, в том числе «Большую Берту».

Начни с огромной простой картонной трубки, как будто вынутой из гигантского рулона туалетной бумаги. Добавь носовой обтекатель из бальзового дерева, соединенный с трубкой «амортизирующим инсуром» (так причудливо называется резиновая лента). Затем вырежи 4 хвостовых стабилизатора из листовой бальзы и приклей на место. Наконец, заверши сборку, добавив твердотопливный ракетный двигатель и парашют, и получишь пиротехнику, обладающую большой убойной мощностью. В экипаж моих кораблей обычно входят муравьи и пауки, но, клянусь, – все до единого возвращаются в целостности и сохранности.

Мне повезло – 3 марта 1969 года мы с семьей были на запуске «Аполлона-9» в Космическом центре имени Кеннеди во Флориде, наслаждаясь зрелищем оглушительного старта с ближайшего пляжа примерно в 10 милях от ракеты. Я чувствовал мощь, сотрясающую мою грудную клетку, когда командир корабля Джим МакДивитт, пилот командного модуля Дэйв Скотт и пилот лунного модуля Раст Швайкарт выходили на низкую околоземную орбиту, чтобы провести 10 дней, проверяя ряд аспектов, важных для посадки на Луну.

Экипаж выполнял первый пилотируемый полет лунного экскурсионного модуля LEM⁴⁰, включая стыковку и отделение от ракеты-носителя, а также первый выход в открытый космос в аполлоновском скафандре, всего через два месяца после того, как Советы осуществили переход экипажа из корабля «Союз-5» в «Союз-4» через открытый космос. Космическая гонка между Америкой и Советским Союзом была на пике.

Миссия «Аполлона-9» доказала, что LEM пригоден к пилотируемому полету и проложит путь к конечной цели, высадив американцев на Луну.

Я в восторге и решаю: вот чем я хочу заниматься в будущем. С этого момента все, что делаю на земле, в небе или в море, становится частью моей программы, направленной на то, чтобы когда-нибудь выйти в космос. Это в моей ДНК – работая в фирме Boeing, мой папа помогает спроектировать и испытать ракетный корабль, который первым доставит людей на Луну.

«Сатурн-5» – это трехступенчатая ракета на жидком топливе, в конце 1960-х и начале 1970-х годов 13 раз стартовавшая из Космического центра имени Кеннеди во Флориде. Она не только доставила 27 астронавтов на Луну, но и позже вывела на орбиту первую американскую космическую станцию «Скайлэб». «Сатурн-5» – самая высокая, тяжелая и мощная ракета в мире, доведенная до стадии эксплуатации. Также она надежна, из-за ее сбоев или поломок никогда не гибли экипажи и не терялись грузы.⁴¹ Она была спроектирована под руководством Вернера фон Брауна⁴² и Артура Рудольфа⁴³ в Центре космических полетов имени Маршалла в Хантсвилле, штат Алабама, вместе с несколькими авиакосмическими подрядчиками, включая компанию Boeing, в которой работает мой папа.

В один из вечеров папа приглашает поужинать к нам домой Германа Ланге, блестящего заместителя Вернера фон Брауна. Бывший немецкий инженер-ракетчик говорит с сильным

⁴⁰ Lunar Excursion Module – первоначальное название лунного модуля LM (Lunar Module), космического корабля, предназначенного для доставки двух астронавтов с окололунной орбиты на лунную поверхность и обратно во время проведения американской программы Apollo.

⁴¹ Экипаж Apollo 1 трагически погиб на земле во время генеральной репетиции первого полета из-за короткого замыкания. Поскольку атмосфера в кабине на 100 % состояла из кислорода, а входной люк открывался внутрь, экипаж не имел возможности выйти. – Прим. авт.

⁴² Вернер Магнус Максимилиан Фрайхерр фон Браун (Wernher Magnus Maximilian Freiherr von Braun; 23 марта 1912 года – 16 июня 1977 года) – немецкий, а с 1955 года – американский конструктор ракетно-космической техники, один из основоположников современного ракетостроения, создатель первых баллистических ракет. В США он считается отцом американской космической программы, в том числе ее лунного направления.

⁴³ Артур Рудольф (Arthur Rudolph; 9 ноября 1906 года – 1 января 1996 года) – немецкий инженер в области ракетной техники, после Второй мировой войны работавший в Соединенных Штатах и ставший одним из ведущих специалистов при разработке американской космической программы.

акцентом. Мама ставит на стол наш лучший фарфор и хрусталь, и присутствие гостя оказывает на меня сильное впечатление. Разговоры об отправке астронавтов на Луну и Марс ошеломляют.

Я так и не перерос эту детскую мечту о Красной планете. Глубокое врожденное любопытство к окружающему миру не дает мне усидеть на месте.

Ходить в ресторан с родителями – настоящая пытка. Я учусь убегать («простите, хочу в туалет»), иногда через несколько минут после того, как усаживаюсь за стол. Выскакиваю через заднюю дверь, мне все равно, пирс это или автостоянка – на заднем дворе всегда есть что-то интересное.

Исследую русло пересыхающего ручья, текущего за нашим домом через близлежащие леса и окрестности. Однажды нахожу змею и гордо несу ее в наш аквариум, наслаждаясь маминим ужасом. Но иногда застаю в скучном классе или в утомительной поездке на машине, не имея возможность выбраться и осмотреться. Вот когда замыкаюсь в своих мыслях и снова спускаюсь по лестнице на Марс. Все, что мне нужно – это скафандр и космический корабль, а умение заглядывать далеко вперед уже есть.

Поскольку свертывание программы Apollo начинается в 1972 году не смотря на 6 успешных высадок на лунную поверхность и другие технологические достижения, которых и не счесть, похоже, по какой-то причине Америка потеряла интерес к изучению Луны. Мои предки видят, что происходит, и начинают планировать новое приключение. Одно из мест, где Boeing действительно нуждается в помощи – Дакар, Сенегал, самая западная точка африканского континента. Они хотят открыть офис в точке, где на песчаном побережье Атлантического океана к югу от Дакара строится крупный туристический курортный комплекс. Идея состоит в том, чтобы европейские туристы, желающие поджарить на солнышке свои бледные тела в середине зимы, могли купить билет на «Боинг 747» и отправиться на новый прекрасный курорт в Дакаре. Новые места отдыха означают, что понадобится больше самолетов компании Boeing.

Столица Сенегала Дакар расположена на полуострове Кап-Верт между устьями рек Гамбии и Сенегала. Расположение на западном краю Африки сделало город выгодной отправной точкой для трансатлантической и европейской торговли, превратив его в крупный региональный порт. Мама счастлива, что сенегальцы говорят по-французски (город когда-то был одним из главных форпостов колониальной империи Франции), я собираюсь поступить в среднюю школу, и хотя ничего не знаю о Дакаре, мое сердце буквально рвется к невероятным приключениям. Благие намерения... Бабуля Паразински находит такую географию слишком запутанной и гораздо менее восторжена. Пытаясь отговорить нас от переезда в Африку, она присылает по почте газетную вырезку: «Большая белая акула замечена в Пуэрто-Рико».

Мы собираем вещи, прощаемся с друзьями и родственниками и в приподнятом настроении отправляемся до промежуточной остановки в Париже, где теряем большую часть нашего багажа (кража со взломом автомобиля прямо в центре Монмартра). Ситуацию усугубляет то, что остатки багажа теряются при перелете компании Air Afrique в Дакар. Обойдя полмира, мы прибываем на место даже без смены белья.

Не останавливаясь перед трудностями, с присущим мне оптимизмом я немедленно влюбляюсь в дружелюбных сенегальцев, теплый воздух и чистую воду, в которую так и хочется нырнуть. Мои родители записывают меня в единственную англоязычную школу Dacar Academy. Это частная баптистская школа для детей, чьи родители-миссионеры уезжают в Мавританию, Мали и дальше в африканские дебри. Среди моих одноклассников дети из разных стран, включая Южную Корею, Нигерию, Вьетнам, Кубу, Сенегал, Испанию и Америку. Я воспитан в сдержанном римско-католическом обществе, поэтому немного шокирован высоким градусом их религиозности. Фанатичные баптисты тратят час или два в день на штудирование Библии и пение псалмов, плюс обычные академические предметы, в том числе физкультура и француз-

ский. Начинаю довольно бегло говорить по-французски и на местном наречии языка волоф⁴⁴. Nanga Def?⁴⁵

Мой любимый учитель – он же мой тренер по баскетболу, энергичный добродушный парень – погибает: в сумасшедшем потоке транспорта на улице Дакара он старается увернуться от затормозившего грузовика, разворачивает мопед и оказывается на встречной полосе. Я тяжело переживаю потерю – это первая смерть близкого мне человека. Похороны усугубляют мою печаль: оказывается, на них никто не плачет! Кажется, я единственный, кто шокирован и удивлен тем, что он умер.

Вокруг меня радостные разговоры о том, какую чудесную жизнь прожил Тренер и что теперь он на небесах, поэтому мы должны ликовать по этому поводу и радоваться за него. Я уверен, что рай изумителен, но просто не могу соотнести его со смертью. По своей сути знаю, что жизнь на Земле – это тоже чудо, праздник, которым следует наслаждаться как можно дольше.

Жизнь меняется в лучшую сторону, когда после школы я выхожу на улицу, чтобы изучать окружающий мир. Чтобы помочь нам по дому родители нанимают 20-летнего англоговорящего гамбийца по имени Дембо, и мы сходимся. Вместе с ним мы моем нашу большую овчарку мраморного (черно-серебристого) окраса по имени Арашид («арахис» по-французски), и я учусь играть в футбол (точнее в то, что называет футболом весь мир за пределами Америки). Дембо также учит меня водить праворульный «форд-универсал», принадлежащий родителям, на заброшенной французской авиабазе неподалеку от дома. Домашняя прислуга легко доступна (многие люди нуждаются в работе), в результате мы нанимаем еще и приветливого Диало в качестве повара (правда, несколько неуклюжего) и сонного мистера Сану в качестве ночного сторожа.

Я не уверен, что нам действительно нужна вся эта прислуга, но мои родители говорят, что если ты в состоянии помочь, то следует это сделать.

За несколько западноафриканских франков наша семья по выходным часто отправляется на пароме на красивый остров Горе, в прошлом мрачное место, главный центр работорговли на африканском побережье. Мои родители также снимают небольшой домик на соседнем острове Нгор, прямо на небольшом утесе в нескольких футах от кромки воды. Большую часть выходных мы проводим в яркой пирогe с подвесным мотором, отдыхаем, плаваем и ныряем с друзьями. Я люблю прыгать с шаткого трехметрового трамплина в заливчик прямо перед домом. Несмотря на то, что залив небольшой, он достаточно глубок; здесь я плаваю между подводными камнями, кишасими морскими ежами, иглобрюхами и муренами. Я узнаю, как добраться до скал, тщательно выбирая время между волнами, и как ловить морских ежей. Мы нарезаем их пополам и едим сырыми обычной ложкой. На вкус они соленые и склизкие, но я быстро привыкаю.

Вскоре я уже могу нырнуть на 25 или 30 футов в глубину (7–9 метров), затаив дыхание и скользя между скальных выступов. Местные жители всегда так поступают при подводной охоте и сборе морских ежей, поэтому мне это кажется несложной задачей. Учусь рыбачить с острогой, и ныряю с трубкой к крючку с наживкой на леске, чтобы понять, что клюнуло. К счастью, сам никогда не становлюсь добычей.

По мере совершенствования во фридайвинге⁴⁶ я начинаю поднимать со дна сокровища – старый хлам с рыболовных лодок: утонувшие шкивы, снасти и якоря. Открываю свой собственный маленький музей в сарае, пристроенном к пляжному домику, и храню там свои находки.

⁴⁴ Один из официальных языков Республики Сенегал, наряду с французским, который активно потеснил с конца XX века. Также распространен в Гамбии и сопредельных странах Западной Африки.

⁴⁵ Приветствие на языке волоф, аналог англоязычной фразы How do you do? («как дела?»).

⁴⁶ Фридайвинг (free – свободно и dive – нырять) – ныряние под воду с задержкой дыхания, самая ранняя форма подводного плавания, до сих пор практикуется спортивных и в коммерческих целях.

Чувствую себя под водой как дома, спокойным и умиротворенным хозяином этой непривычной среды.

Весь океан, кажется, открывается подо мной и зовет погрузиться еще глубже.

У фридайвинга есть свои ограничения, поэтому, когда старшие французские ребята предлагают научить меня погружению с аквалангом, для меня это уже не игра: читаю все, что могу, о подвигах капитана Жака Ива Кусто и его «Калипсо», и смотрю его документальные фильмы.

Все инструкции по нырянию с аквалангом сводятся к тому, что мне пристегивают к спине два 80-футовых⁴⁷ баллона и просто говорят: «Возвращайся, когда у тебя кончится воздух».

Резиновый загубник регулятора⁴⁸ воняет старьем и имеет соленый привкус, но я представляю себя Жаком Кусто и погружаюсь под воду на 30 футов. Удивляюсь громкости своего дыхания, которую подчеркивают булькающие звуки пузырьков воздуха, поднимающихся к поверхности. Наслаждаюсь временем, проведенным под водой и ощущением того, что мне не нужно спешить обратно, как при фридайвинге. Я буквально обманываю смерть уже в том первом погружении с аквалангом, несанкционированном и неподготовленном, это цепляет и волнует с самого первого вдоха. Именно тогда решаю научиться правильно погружаться, хотя не совсем готов посветить родителей в свои окончательные планы.

После пары идиллических лет в Дакаре папа вываливает на стол сюрприз: «Мы переезжаем в Бейрут», – говорит он, сообщая новости о своем следующем назначении в компании Boeing. Мне нравится жизнь в Дакаре, и я не хочу бросать школу, Дембо, мои клады, пса Арашида. Кроме того, я ничего не знаю о Ближнем Востоке. Мы снова собираем вещи, прощаемся со всеми и садимся в другой самолет, чтобы направиться на восток.

По дороге останавливаемся на Рождественское сафари в Кении и Танзании. Фауна удивительна – изящные газели, стада слонов, зебр, жирафов, антилоп гну, гиен, гепардов и львов бродят по широким просторам. Мой взгляд перебегает от дикой природы к заснеженной вершине Килиманджаро: мечтаю о том, как буду выглядеть и чувствовать себя, если окажусь там.

Во время экскурсии по заповеднику видим небольшую группу львов.

Наш кенийский гид останавливает машину и объявляет: «Встреча львов!»

Прикручиваю 200-мм телеобъектив к зеркалке и, выскакивая из лендровера, готовлюсь снимать. Мой Canon FTb должен сделать свое дело. Увы, «встреча львов» оказывается спариванием⁴⁹. Хмм... Биология на практике. Некоторые важные уроки жизнь преподносит за пределами классной комнаты.

Ливанский Бейрут – изящный и изысканный город с пятитысячелетней историей на побережье Средиземного моря. Банковская столица Ближнего Востока на тот момент сочится нефтяными деньгами и богатой культурной жизнью. Здесь находится ближневосточный офис Boeing. Мы приземлились в январе 1975 года и нашли действительно хорошую квартиру недалеко от центра города, всего в квартале от главной улицы Хамра-стрит. Похоже на Париж – яркий и шумный, разве что вместо блинниц киоски с шаурмой. Мое любимое место для прогулок с друзьями или в одиночку – рынок, он же восточный базар, переполняющий органы чувств запахами специй и еды, блеском золота, бархатом ковров, звоном меди и навязчивыми призывами к молитве.

Я поступаю в известную в академических кругах Школу американской общины в Бейруте, где вскоре узнаю, что «несколько слишком отстал».

⁴⁷ Аллюминиевые баллоны емкостью по 80 фунтов сжатого воздуха каждый. – *Прим. авт.*

⁴⁸ Устройство для снижения давления газа, поступающего из баллона акваланга до величин, позволяющих осуществлять дыхание без каких-либо вредных последствий, а также для подачи газа для вдоха и отведение продуктов выдоха.

⁴⁹ Игра слов: Lion meeting – Lion mating.

Миссионерская школа в Дакаре тратила много времени на изучение Библии и музыки, но после нее я оказался не силен в английском и математике. Поскольку прошла уже половина учебного года, мне приходится много заниматься, чтобы догнать своих новых сверстников. С помощью наставника и учителей скоро овладеваю навыками современной алгебры и игры в баскетбол. Я со своими растрепанными светлыми патлами и тощей фигурой далеко не самый популярный человек в классе и даже вынужден терпеть издевательства.

Мы останемся в Бейруте всего несколько месяцев до начала гражданской войны в Ливане. Война продлится более 15 лет, и Бейрут разорвут на части мусульманское большинство (в основном неимущее) и христианское меньшинство (относящееся к правящему классу). Центр города станет ничейной землей, известной как «Зеленая линия», и большая часть территории будет практически полностью разрушена. Погибнут тысячи, множество народу покинет страну. Вокруг города появятся лагеря беженцев и контрольно-пропускные пункты на шоссе.

Я провожу беспокойные дни закрывшись в нашей квартире, соседние офисы не работают, дороги пусты, а вдалеке гремят выстрелы снайперов и взрывы. Однажды мы с мамой присутствуем на дружеской вечеринке у бассейна в очаровательном отеле «Сент-Джордж», где раньше тусовались дипломаты и кинозвезды. Снайпер с одной из соседних высоток выцеливает отель. Либо он паршивый стрелок, либо просто пытается напугать представителей западных стран, тем не менее, после нескольких трескучих выстрелов из винтовки зона вокруг бассейна пустеет. Я не слишком напуган, но просто сосредоточился на том, чтобы отвести всех в укрытие.

Мама все сильнее настаивает на том, чтобы я оставался дома по мере того, как ожесточается конфликт. Однажды в два часа ночи буквально в двух шагах от нас взрывается супермаркет Смита. Окна зданий вокруг разлетаются под какофонию разбитого стекла. Выглядываю на улицу и вижу, как сотни людей бегут по горящему зданию, проламываясь сквозь обломки, когда прибывают полицейские. Я настаиваю на том, чтобы пойти туда и побродить среди ночи вместе с другими напуганными жителями, пока пожарные и полиция заняты.

Я спрашиваю людей вокруг: знают ли они, что произошло? Магазин принадлежит англичанину и его ливанской жене, и они в основном обслуживают западных покупателей Бейрута. К нашему удивлению, они открывают магазин уже на следующий день. Моя мама спрашивает миссис Смит: «Когда вы снова открылись?» «Дорогая, мы и не закрывались никогда». А магазин уже предлагает молоко и газеты, как будто ничего не изменилось.

Почти сразу после взрыва компания Boeing решает временно перевезти свой персонал в греческие Афины, чтобы дождаться, когда в Ливане все успокоится. Хотя война носит спорадический характер, она слишком близка и смертельно опасна. Мы собираем все, что можем, и с баулами мчимся на такси в бейрутский аэропорт. По дороге замечаю специально устроенные заграждения из чадящих автопокрышек на дорогах, слышу усиливающуюся стрельбу и вижу дым, поднятый артиллерией в горах за городом, а также несколько пыльных танков на городских улицах.

Я не слишком разочарован отъездом, готовлюсь к новым приключениям, и у меня есть ощущение, что Греция может быть отличным местом, чтобы научиться подводному плаванию, на этот раз так, как надо.

Глава 4. Жажда странствий

*«Лишь тот, кто рискнет зайти слишком далеко, обретет
возможность узнать, на что он способен»
– Томас Стернз Элиот*

Афины, Греция, 1975 год

Изредка спрашиваю себя, как выглядела бы жизнь «за белым заборчиком», если бы мы остались в американском пригороде? Я ходил бы в среднюю школу Йорктауна, бегал бы за теми же девчонками, которые когда-то подначивали меня в начальной школе, и вел бы жизнь так называемой типичной американской молодежи. Иногда возникает тоска по последовательности и предсказуемости и, конечно, беспокойство из-за того, что каждые пару лет мы переезжаем и друзей приходится искать заново. Но в основном наслаждаюсь, регулярно начиная с нуля в новой стране и в окружении новой культуры.

Греки наслаждаются жизнью и никогда не парятся по мелочам. «Ола Эйнаи Эндакси!»⁵⁰, или «все в порядке!». Для моей мамы непринужденный средиземноморский уклад смягчает напряженность, возникшую в Бейруте, и я скоро неплохо устраиваюсь в Школе американской общины в Афинах, одной из двух англоязычных школ в городе. Многие из моих одноклассников тоже приехали из Бейрута, и очень приятно пойти в новую школу с несколькими старыми друзьями.

В Бейруте я выучил ругаться по-арабски как пьяный матрос на берегу, хотя, конечно, не перед родителями, особенно перед мамой. В Греции овладеваю искусством витиевато материться, быстро усвоив важнейшие непристойные выражения с соответствующими жестами.

Работа отца (маркетинг самолетов и авиационных услуг по всему Ближнему Востоку) на самом деле остается прежней – меняется только его служебный адрес. Но мама сталкивается с новыми проблемами: она намерена найти для нас место, где мы сможем жить и постоянно общаться. Прожив пару месяцев в афинском «Хилтоне», мы поселились в Глифаде, сонном пригороде Афин, через дорогу от моей средней школы. Поблизости находится совместная греко-американская авиабаза Эллиникон, поэтому по выходным здесь много других американских детей, а также взрослых американцев-экспатов.

Семейная страсть к путешествиям и впредь бросает нас в такие места как Египет, Советский Союз, Австрия, Бельгия, Польша, Турция, Венгрия, Румыния, Индия, Таиланд, Сингапур, Гонконг и Япония. В моем ведении оказывается поистине впечатляющая коллекция гигиенических пакетиков, собранных мной и нашими друзьями во время перелетов. Пакет от Royal Nepal Airlines, расписанный вручную – мое сокровище, а пакеты от TWA⁵¹ я использую по назначению или храню в этих странным контейнерах кассеты с фото пленкой для проявки.

Как будущий абитуриент пытаюсь избавиться от равнодушного отношения к учебе. В мозгах что-то щелкает, побуждая меня принять осознанное решение учиться в школе как можно лучше: чтобы продолжать жить полной приключениями жизнью и путешествовать, как мои родители, мне нужно поступить в престижный колледж. Каким-то образом обнаружив своего «внутреннего ученика», почти мгновенно перехожу из неуспевающих в отличники. Помогает то, что при изучении литературной классики или географии древнего мира, я могу

⁵⁰ όλα είναι εντάξει

⁵¹ Trans World Airlines (TWA) – одна из крупнейших американских авиакомпаний, основанная в 1925 году, конкурировала с Pan American World Airways (Pan Am) на международных маршрутах с 1946 до 1978 года.

на самом деле посетить римский Колизей или греческий Акрополь. И люблю отправляться с друзьями на греческие острова по выходным.

Увы, моя греческая идиллия внезапно заканчивается: папа получает новое назначение – на этот раз в Тегеран, Иран. Новость сильно расстраивает: родители всегда пытаются включить меня в процесс принятия решений – не официально, конечно, заранее дают мне знать, когда и куда мы переедем, а затем выслушивают мои соображения. На этот раз большого энтузиазма от меня не исходит.

Я пустил корни в Афинах и не хочу покидать школу, своих приятелей, товарищей по баскетбольной команде, симпатичных чирлидерш и свои бурно развивающиеся подводные приключения. Папа говорит, что мы всегда можем вернуться в штаб-квартиру Boeing в Сиэтле, но меня не радует переезд в холодный сырой Вашингтон после трех лет жизни в Греции. Однако, к сожалению, остаться мы не можем, поэтому, как бы трудно нам ни было, мы собираем пожитки для предстоящего переезда в столицу Ирана.

Лежащий на высоте 1200 м Тегеран расположен недалеко от Каспийского моря, на стратегическом перекрестке между Турцией, Афганистаном и Ираком. Заснеженный Эльбрус нависает над городом, и я надеюсь, что у меня будет шанс изучить его. Но через три дня после нашего прибытия вспыхивает революция. 8 сентября 1978 года – «Черная пятница»⁵², бойня на площади Жале.

Остановившись в тегеранском «Шератоне», мы оказываемся в первых рядах свидетелей событий: ревущие с крыш громкоговорители призывают к массовым демонстрациям. Иранский народ в ярости: шах Мохаммед Реза Пехлеви, провозгласивший себя «шахиншахом» (императором или «царем царей»), отменил многопартийную политическую систему в пользу своей собственной растахизской⁵³ партии и объявил военное положение. Во время акции протеста на площади Жале, где толпы требуют исламского правления, военные открывают огонь, и западные СМИ сообщают о 15 тысячах погибших, раздувая пламя революции. В действительности убито меньше 100 человек, но эмоциональный раздрай подталкивает страну к полномасштабной революции в попытке отстранить шаха от власти и заменить его ультраконсервативным исламским священнослужителем.

Папа – оптимист: делая ставку на быстрое и мирное завершение протестов, он идет работать в офис Boeing по продаже самолетов на Ближнем Востоке, а я поступаю в 12-й класс американской школы Тегерана, где обучаются 1059 старшеклассников. Записываюсь на 4 курса с углубленным изучением предметов и, в конечном итоге, становлюсь запасным центрального игрока мощной команды «Викинги», проводя ежедневные изнурительные тренировки по американскому футболу после школы. Мама каждый вечер добросовестно стирает мою майку с номером 74 в раковине отеля местным стиральным порошком «Барф»⁵⁴ («Снег» на фарси).

Отсутствие талантов и неумение реально доминировать на поле «Викинги» компенсируют энтузиазмом, который получают, собравшись в кучу перед каждой игрой. Все, что я делаю со своей стороны – просто ввожу мяч в игру и толкаю его в те ограниченные минуты, которые мне отведены, а также исполняю роль посредственного кикера⁵⁵. В начале сезона мне сказали, что из меня получится отличный принимающий⁵⁶, потому что я высокий и быстрый, но про-

⁵² 8 сентября 1978 г. правительственные силы безопасности открыли огонь по демонстрантам на площади Жале в Тегеране, погибло более 80 человек. Это событие часто рассматривается как «точка невозврата» иранской революции – цепи событий, результатом которых стали эмиграция шаха Пехлеви, упразднение монархии и установление нового политического устройства – Исламской республики, когда у власти находятся религиозные лидеры – аятоллы.

⁵³ «Партия Национального Возрождения Ирана» (Растахиз), основанная шахом Мохаммедом Реза Пехлеви в 1975 году, была единственной легальной политической партией Ирана с 1975 года до иранской революции в 1979 году.

⁵⁴ Barf – блевотина (англ.).

⁵⁵ Кикер или Плейскикер (англ. Kicker/Placekicker) – позиция игрока в американском футболе.

⁵⁶ Ресивер (англ. Wide receiver) (принимающий) – позиция игрока в американском футболе.

гресса нет – моя игра в контактный футбол оказалась просто ужасной. Полагаю, мои инстинкты самосохранения слишком сильны. Мне не нравится, когда парни бегут прямо в лоб, чтобы выбить из меня все дерьмо. Но даже ничего не представляя из себя в спорте, я все-таки являюсь частью команды, и это помогает мне найти свое место в новой школе.

К тому же я начинаю подавать заявления в колледжи, и поскольку у нас в отеле нет пишущей машинки, по вечерам мы ходим в папин офис, чтобы заполнить и отправить бланки по почте. Подаю заявку в место под названием Стэнфордский университет, хотя никогда там не был.

Атмосфера в городе остается напряженной, с минаретов раздаются яростные речи. Магазины часто закрываются, не хватает еды и топлива, а 8-часовой комендантский час означает, что улицы ночью пустеют. Начинаю замечать больше людей в черных одеждах и женщин в парандже. Мой рост и светлые волосы, кажется, вызывают явную ненависть, и я не могу ходить в школу, как в Бейруте: чувствую сильную враждебность со стороны местных жителей ко всему западному, выражающуюся посредством беспорядков, костров и стрельбы.

В декабре получаем уведомление о том, что 2,5 тонны (5500 фунтов) нашего домашнего скарба наконец-то прибыли из Афин, и 23 декабря папа организует доставку. Мы переезжаем в неплохой, хотя и маленький съемный дом в комплексе, окруженном стеной, но почти сразу папа находит записку на стекле своей машины: «Умри, империалистическая свинья! У тебя месяц, чтобы покинуть страну, иначе мы тебя убьем».

Мама вне себя, и после этого мне запрещают покидать дом кроме как для ежедневных поездок в школу и из школы.

Папа уверен, что шах может подавить восстание силами армии, и хочет вернуться к своей работе, надеясь на светлое будущее. Но сразу после того, как мы возвращаемся с рождественских каникул, нам сообщают, что Boeing решил закрыть региональное представительство в Тегеране. Моя школа тоже закрывается, и родители соглашаются, чтобы я закончил последний год учебы в Афинах с моими друзьями. Мы спасаемся бегством.

Позже узнаю, что руководитель американской школы в Тегеране Уильям Кей, огромный как медведь, был одним из заложников, которых исламисты удерживали в течение 444 дней⁵⁷. Трудно поверить в происходящее: мы наблюдаем, как некогда процветающая страна с такой богатой историей погружается в угнетение и хаос.

Одно воспоминание преследует меня до сих пор. За месяц до эвакуации мы решаемся уехать из Тегерана на несколько дней, чтобы отпраздновать в Афинах День Благодарения и на короткое время избежать террора и волнений. Возвратившись в конце ноября видим: все стало еще хуже. В аэропорту меня не просто обыскивают, а по-настоящему лапают. Аэропорт Тегерана заполнен людьми, отчаянно пытающимися выбраться из страны, обратно возвращаются лишь такие сумасшедшие, как мы. Таможенники кричат на фарси, издеваются. Чувствую кипящую ярость, направленную на меня, высокого испуганного белобрысого парнишку в синей вязаной лыжной шапке. Наконец, покинув аэропорт, мы забираемся в дряхлый дизельный мерседес-такси и возвращаемся к съемному дому. В машине ужасная жара, но я дрожу, обхватив руками грудь. Наклоняюсь вперед, пытаюсь уловить тепло из вентиляционного отверстия, а родители на заднем сиденье прижимаются друг к другу, пар от их дыхания виден в свете встречного движения.

Такси тормозит, мы поворачиваем за угол и приближаемся к баррикаде, окруженной прожекторами. Офицер в форме императорской гвардии подходит к окну водителя, затем начинает махать винтовкой и кричать на фарси. Ему нужны наши паспорта. Водитель забирает у нас

⁵⁷ 4 ноября 1979 года в результате захвата иранскими боевиками посольства США в Тегеране 66 американцев были взяты в плен, в том числе трое, которые находились в этот момент в иранском МИДе. Еще шестеро американцев сбежали. Из 66 человек, взятых в заложники, 13 были освобождены 19 и 20 ноября 1979 года; одного выпустили из-за тяжелой болезни 11 июля 1980 года, а остальные 52 были отпущены лишь 20 января 1981 года.

документы и передает ему. Военный заглядывает в кабину, направляет фонарик на каждого из нас, смотрит в наши паспорта.

Пока я жду, дрожа, что-то заставляет меня повернуться и посмотреть в окно справа. За грудой мешков с песком стоит пацан. Кажется, ему лет 15–16, он немного моложе меня, и направляет автомат прямо мне в лоб.

Могу сказать, что ему холоднее, чем мне.

Каждый раз, когда его тело вздрагивает от холода, автомат дергается – а палец на спусковом крючке – мое сердце трепещет. Я смотрю на парнишку и не могу отвести взгляда. Смотрю, кажется, целую вечность, и вижу в его глазах страх и неуверенность, отражающие мои собственные чувства.

Наконец, таксист заводит двигатель и разрушает этот замерший мир: нам возвращают документы, и мы минуем контрольно-пропускной пункт. Я оглядываюсь назад, и лицо пацана растворяется в тенях, хотя я все еще могу различить, как пляшет блик на дрожащем стволе его автомата.

Пережил ли этот парень революцию? Нашел ли достойное будущее? Женился, завел семью? Отправился ли в путешествия? Сбылись ли его мечты, или конфликт и революция раздавили его? Этого я не знаю и уже никогда не узнаю, но все еще думаю о нем время от времени.

Полет из Тегерана в Афины занимает 4 часа, но мы чувствуем себя как на другой планете, поскольку беспорядки, зажигательные крики с вершин минаретов и ночные комендантские часы на солнце сменяются музыкой бузуки⁵⁸ и анисовой водкой узо, которую «могут пить даже несовершеннолетние». После того, как нас устроили в греческом аналоге Residence Inn, папа отправляется в Сиэтл, штат Вашингтон, на работу в штаб-квартиру Boeing. Это нелегкое для него время: мы с мамой на другом конце света в солнечных Афинах, а он трудится в дождливом Сиэтле. Я благодарен родителям за то, что они позволяют мне закончить школу в Афинах вместе с друзьями. Я даже получаю свой прежний номер в школьной баскетбольной команде.

Учителя и ученики школы американской общины привыкли к тому, что кто-то постоянно приходит и уходит, поэтому в середине года я снова возвращаюсь к курсам с углубленным изучением предметов, занятиям спортом и вылазкам на природу с друзьями, и чувствую себя так, как будто никуда и не уезжал. Хотя я все еще немного застенчив, но мне удается завести приятелей сразу в нескольких школьных группировках. Поскольку отец оставил меня старшим в доме, я проверяю «границы самостоятельности», чем, конечно же, способствую появлению седых волос на голове моей мамы. По большей части мы с приятелями отвечаем за свои поступки и ведем себя правильно, но однажды вечером оказываемся в греческой тюрьме.

Помните фильм «Полуночный экспресс»⁵⁹, в котором молодого американца арестовала турецкая полиция за попытку вывезти гашиш из Стамбула? Это ужасная, мучительная и впридачу основанная на реальных событиях история о Билли Хэйсе, которого пытали, а затем приговорили к 30 годам тюрьмы. Фильм только что вышел, и мы с друзьями посмотрели его вместе, а потом наша компания решила прогулять школу в пятницу и отправиться на пароме на остров под названием Спеце. Побросав в рюкзаки шорты, футболки и немного еды, мы собирались разбить лагерь на одном из прекрасных пляжей, а на следующий день дожидаться прибытия еще нескольких человек.

«Летающий дельфин» – совершенно новое судно на подводных крыльях⁶⁰, которое за два часа доставит нас на остров. Нас на борту 8 или 9 человек, и внутри каждого достаточно

⁵⁸ Струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни, размером чуть побольше скрипки; по одной из версий происходит от древнегреческой лиры, по другой – от турецкого саза (бозук-саз).

⁵⁹ Midnight Express – кинодрама 1978 года от режиссера Алана Паркера, экранизация мемуаров реально существующего Уильяма Хэйса. Номинирован лучшим фильмом года, имеет премии «Оскар» за лучший адаптированный сценарий Оливера Стоуна и лучшую музыку Джорджо Мородера.

⁶⁰ Судно на подводных крыльях типа «Метеор» советской постройки, которое работало на линиях греческой компании

пива Amstel, чтобы потерять контроль и сбить регулировку громкости. Мы начинаем галдеть, но, по моему мнению, держимся одной группой и не привлекаем излишнего внимания. Вдруг я выглядываю в окно и вижу моего приятеля-дикаря Джона: с улыбкой Чеширского кота он карабкается по внешней стороне быстро несущегося судна.

По прибытии на пирсе нас ждет «комитет по встрече» – строгий патруль греческой полиции. Должно быть, капитан заранее позвонил, чтобы пожаловаться на шум и наше буйное поведение. Сначала я не слишком волнуюсь и ожидаю, что полицейские пожурят «дерзких, ошеломляюще противных» американцев, но не знаю, что у некоторых из нас есть не только ореховая смесь для быстрого перекуса.

Полиция тащит нас в участок, обыскивает, роется в наших рюкзаках и в 4 из них находит марихуану и принадлежности для ее употребления. Хотя я далеко не пай-мальчик, и пару раз в прошлом пробовал (и даже дунул), мой рюкзак чист. Я и не будучи обдолбанным могу вести себя как полный придурок, и наркотики меня никогда не привлекали.

У Марка Уолпера в рюкзаке – пакет с маршмеллоу, который мы хотели поджарить над костром на пляже, и полиция роет носом землю, подозревая, что обнаружила новую экзотическую разновидность наркотика. К счастью, Марк провел детство в Афинах и свободно говорит по-гречески, поэтому он убеждает полицию попробовать. Когда они наконец поняли, что зефир – это просто зефир, Марк сорвался с крючка. Впрочем, маршмеллоу полиция все равно изъяла.

Тех из нас, у кого в рюкзаке или на теле при обыске не нашли ничего, освобождают на следующее утро после напряженной ночи и короткого сна в кутузке. В какой-то момент они заставляют нас делать отжимания – полагаю, чтобы хоть как-то наказать. Выйдя из участка, мы звоним родителям, чего нам не разрешили сделать вечером. Я беспокоюсь о том, как отреагирует мама, и хочу сообщить ей, что со мной все в порядке. Мама с друзьями в Карпениси, небольшом горнолыжном курорте к северу от Афин, но она успокаивает меня и все понимает, а я почти в слезах, все еще очень боюсь возможных последствий.

На следующий день мы прощаемся на пирсе с 4-мя нашими приятелями-преступниками: их отправляют в афинскую тюрьму на том же судне, на котором мы прибыли. Без долгих обсуждений и не придумав ничего лучшего мы отправляемся на пляж, чтобы продолжить поход, переживая за своих друзей. Вся наша еда осталась у полицейских, поэтому мы голодны и почти разорены. Решаем поймать несколько местных полудиких цыплят, обитающих на острове, чтобы приготовить на костре. В конце концов ловим одного или двоих, и сворачиваем им шею. Затем надо выяснить, как их общипать, и я уверен, что мы все делаем неправильно. В конечном счете мы готовим их, но это – худшее куриное мясо в моей жизни, и оно едва ли утоляет голод. Очень хочу вернуться домой и успокоить нервы. Но как же я безумно рад свободе!

В следующий понедельник меня вызывают в кабинет вице-директора по поводу двух противоречивых сообщений. Во-первых, за прогул я, как и остальные, буду отстранен от учебы на два дня. О'кей, я ожидал чего-то подобного. Во-вторых, меня спрашивают, смогу ли выступить в роли второго капитана команды афинской Школы американской общины по трекингу⁶¹, которая собирается поехать на ежегодный турслет в Каир? Вице-директор Дерри – наш тренер по трекингу. Видимо, он все еще ценит меня, но определенно кажется, его нынешнее мнение обо мне противоречиво.

Четверых ребят, «взятых на контрабанде», в итоге приговаривают к пожизненному заключению в тюрьме. Посольство США ходатайствует об их освобождении, но правительство

Flying Dolphin.

⁶¹ В английской терминологии пешеходный туризм разделяется на более простой хайкинг (с англ. – hiking) и более сложный и длительный трекинг (с англ. – trekking). Хотя последний в большей степени относится к видам отдыха, а не спорта, он может являться частью альпинистского мероприятия по восхождению на гору. В последнем случае трекинг – это переход до базового лагеря альпинистов под горой.

Греции непреклонно: они нарушили закон и должны понести наказание. В конце концов их выпускают под залог, и вскоре все четверо покидают страну.

После того, как улеглись страсти по «Полуночному экспрессу», я возвращаюсь к своим приключениям: я намерен получить надлежащий сертификат аквалангиста. Мама ловко ставит передо мной, казалось бы, неразрешимую задачу завербовать еще двух приятелей и их родителей, чтобы они поехали со мной на машине на другой конец города на уроки подводного плавания. Я справляюсь с этой задачей, и в течение двух часов нахожу пару друзей среди соседей, готовых посвятить три вечера в неделю долгим поездкам и занятиям. Мы погружаемся в холодный до чертиков бассейн, выполняем упражнения и возвращаемся по горным дорогам, объезжая случайные стада овец, приезжая домой около полуночи и совершенно вымотанными. Дайвинг в Греции даже лучше, чем в Дакаре – древности разбросаны на морском дне почти повсюду. Рыбы в загрязненном Средиземном море маловато, но где бы я ни нырял, везде вижу осколки керамики. Однажды даже замечаю целую неповрежденную амфору, огромную глиняную урну с заостренным дном, которую, вероятно, использовали для хранения оливкового масла или вина. Это сосуд длиной 3–4 фута с широким горлом и изогнутыми ручками, частично утопленными в бока. Ему, наверное, 2000 лет, и он, вероятно, попал на дно с торгового корабля, который постигла печальная участь. Охота за сокровищами строго воспрещена, поэтому я оставляю амфору на месте. Не буду рисковать, я усвоил урок острова Спеце.

Скоро выпускной, и я жду ответа на мои 12 заявок на поступление в университет. В самом деле не знаю, примет ли меня один из наиболее уважаемых вузов, в который я хочу поступить из неизвестной зарубежной школы. Конечно, Гарвард быстро дает понять, что меня здесь не ждут, но, поскольку у меня есть родственники в Сиэтле на Западном побережье, я считаю, что в любом случае Стэнфорд будет лучшим вариантом. Затем наконец приходит толстый конверт из Стэнфорда. Я им подхожу!

*Папа летит в Афины на мой выпускной, и когда мы собираем вещи и готовимся вернуться в Штаты, я задумываюсь о своем будущем. Моя мечта стать астронавтом все еще жива, хотя я никогда о ней не говорю. На данный момент я решаю стать доктором, как мой дедушка. Я изучаю ранние наборы в отряд астронавтов по программе Space Shuttle и понимаю, что трое новобранцев отряда 1978 года, состоящего из 35 человек, по прозвищу TFNG (от Thirty Five New Guys – «35 новых парней», или неофициально и более правильно «The F*cking New Guys» – «Новички хреновы»), были врачами.*

В Сиэтле нахожу подработку на лето санитаром в Реабилитационном центре в Кирклэнде. Фактически я – грузчик по найму, но новая работа быстро начинает приносить не только зарплату. Хотя она и оплачивается по минимальному тарифу и сопряжена со значительными трудностями, обнаруживаю, что мне действительно нравится знакомиться с пожилыми пациентами и оказывать им помощь. Моя самая любимая пациентка – Элис. Сотрудники Центра ласково называют ее «Алисой в Стране Чудес». Эта милая пожилая дама весь день шаркает ногами по коридорам и рассказывает тихие истории всем, с кем пересекается.

Лето пролетает незаметно, и прежде, чем я осознаю это, еду в Стэнфорд.

Университет, безупречный зеленый университетский городок со зданиями из песчаника в испанском стиле, увенчанными красными черепичными крышами, располагается на полуострове к югу от Сан-Франциско. По мне это прекрасно – рядом так много замечательных приключений на свежем воздухе. Кроме того, это один короткий перелет от дома, хотя и не слишком близко.

В течение лета я работаю лаборантом в Научно-исследовательском институте здоровья в Иссакуа, штат Вашингтон. Самое начало эпохи рекомбинантных ДНК и стремления раскрыть секреты генома. Лаборатория занимается поиском лекарства от африканской сонной лихорадки: болезнь передается мухой цеце и сеет хаос во многих районах, где я жил и путешествовал в детстве. В свободное время работаю вместе с папой, ремонтируя красный кабриолет

1964 года, который становится моей первой машиной. Прошло немало лет с тех пор, как мы с папой строили модели ракет, и очень здорово снова возиться с ним в его мастерской.

К концу четвертого года учебы в университете, весной 1983 года приходит время принимать решение относительно мединститута. Я люблю Стэнфорд и хочу быть рядом с моей нынешней девушкой, которая пойдет в мединститут где-нибудь в штате. Хотя я подаю заявление в несколько заведений по всей стране, когда, наконец, меня принимают в Медицинскую школу Стэнфордского университета, решение созревает. Также подаю заявку и выигрываю стипендию Национального института здравоохранения в области биологии рака, начиная с того, чтобы стать врачом-ученым в области биомедицинских исследований.

Медицинская школа – настоящая атака на твою память, огромный поток сомнительных фактов, которые когда-нибудь могут оказаться (или не оказаться) критически важными для спасения вашего пациента.

Поскольку невозможно сообразить, что важно, а что нет, начинаешь с того, что пытаешься запомнить абсолютно все. Быстро приходишь в себя: непонятные биохимические пути и «зебра» редких болезней стратегически помещаются в кратковременную память, чтобы – как мы надеемся – сохраниться до выпускных экзаменов, но вряд ли на всю жизнь. К счастью, медицинская школа Стэнфорда пройдена, с успехом или нет, оценить трудно, но верно изречение «Р равно MD»⁶².

Одной из фундаментальных основ медицинской школы является лаборатория анатомии, которая учит разбираться в сложной сантехнике, электропроводке и отделке чудесного дома – человеческого тела, созданного бездной лет эволюции. Благодаря неизвестным донорам мы с одноклассниками используем обработанные формалином коричневатые трупы, изучая необычайную сложность тела. К счастью, в конечном счете мы становимся невосприимчивы к резкому запаху.

Однако живой пациент по имени Джордж напоминает мне, что ставки высоки. Будучи студентом-первокурсником медицинского факультета, я работаю с командой скорой помощи, выезжающей по вызову среди ночи. Мужчина – потный и бледный – лежит на полу своего дома, а его жена склоняется над ним. Фельдшеры интубируют его; я делаю непрямой массаж сердца. Мы почти теряем его, а затем возвращаем к жизни. Наконец его удается стабилизировать, и мы отвозим его под вой сирены в отделение неотложной помощи Стэнфорда. Его снова реанимируют, и я провожу с ним еще пару часов, сражаясь за его жизнь весь вечер и надеясь, что ночью он выкарабкается.

Ухожу домой измученным, проваливаюсь в короткий сон, а на следующее утро возвращаюсь к учебе.

Планирую провести экскурсию по больнице для будущих студентов-медиков. Мы проходим мимо палаты интенсивной терапии Джорджа. Шторы закрыты. Джордж внутри, но он мертв. Видимо, умер рано утром, а его жена еще не приехала.

Я ошеломлен. Автоматически объясняю студентам, что произошло, а затем делаю все возможное, чтобы скрыть свое потрясение. Я опустошен. Прошлой ночью мы спасли человеку жизнь, а через несколько часов он умер. Иду домой и, к собственному удивлению, не могу сдержать слез. Понимаю, что существуют проблемы, которые медицина не может решить. Шок от вида безжизненного тела Джорджа остается со мной. Это мой самый первый пациент, и я его

⁶² Доктор философии (лат. *Philosophiae Doctor, Ph.D., PhD*) – ученая степень, присуждаемая в Америке по биологии и другим естественно-научным и некоторым техническим направлениям на основе степени магистра после выполнения независимого исследовательского проекта в течение 4–5 лет и защиты диссертации (*PhD Thesis*). По уровню подготовки (и по объему диссертации и вкладу в науку) в России соответствует кандидату наук. Доктор медицины *MD (Medecinae Doctor)* – профессиональная (и последняя) степень врачей в Америке. По уровню подготовки приблизительно соответствует магистратуре, дается после окончания медицинского университета, но позволяет занимать врачебные и преподавательские (вплоть до профессорских) должности в медицине.

потерял. Внезапно жизнь кажется очень хрупкой штукой, и это заставляет меня хотеть жить на всю катушку и как можно сильнее ценить каждое мгновение.

Глава 5. Доктор санки

«Скоростное катание на санях – единственный вид санно-бобслейного спорта, в котором время скольжения измеряется с точностью до тысячных долей секунды»

– с сайта американской команды по санному спорту

Пало-Альто, Калифорния, 1985 год

Плакат в спортзале сразу бросается в глаза – в нем что-то говорится о санях. Стэнфордская студентка Бонни Уорнер, член олимпийской сборной США по санному спорту 1984 года, проводит по всей стране однодневные летние отборочные соревнования в поисках представителей других видов спорта, которые могут заинтересоваться скоростным спуском на санях.

Этот спорт гипнотизирует меня с прошлых зимних Олимпийских игр: пулей просвистеть по ледовой трассе на санях размером с поднос из кафетерия со скоростью до 90 миль в час с чрезвычайными перегрузками на безумно крутых виражах? О боже, да!

Итак, в 1985 году провожу свой 24-й день рождения среди 75 совершенно незнакомых людей неподалеку от Стэнфордского линейного ускорителя и столицы венчурного капитализма, лежа на спине и уклоняясь от движущихся конусов на крутом склоне у Сэнд-Хилл-роуд.

Энергичная и сильная Бонни устраивает почти нереальный слалом и показывает нам, как делать карвинговый⁶³ поворот на грубых тренировочных салазках, оснащенных колесами от карта. Она демонстрирует способы управления санями, нажимая плечом и подтягивая противоположную голень. Приемы требуют чрезвычайной сосредоточенности, ловкости и быстрой реакции в сочетании с любовью к адреналину. Как будущий астронавт я полагаю, что приключение, где адреналина выше крыши, поможет мне в будущем научиться справляться с другими сложными ситуациями.

К концу дня, взмокнув под шлемом на летнем солнце, остаюсь одним из немногих, кто проходит трассу невредимым, и осознаю, что у меня есть ненасытная жажда скорости. Саннный спорт заставляет меня чувствовать себя живым даже сильнее, чем вождение родстера или полет на «Цессне». Мечтаю о том, как выйду на настоящую ледовую трассу в Центре олимпийской подготовки в Лейк-Плэсиде, Нью-Йорк. Сюда меня пригласили на три недели тренировок – и я заболел этим спортом на всю жизнь.

Официально сани стали олимпийским видом спорта только в 1964 году, на играх в Инсбруке, Австрия. Несмотря на то, что я достаточно опытный и бесстрашный лыжник, никогда бы не подумал, что окажусь ногами вперед на санях, движущихся на варп-скоростях⁶⁴ к олимпийским наградам. «Олимпийские мечты сбываются», обещает объявление в спортзале. Отправляюсь за этой мечтой.

При спуске на санях переход от озноба на старте к облегченному выдоху в момент удара в пенопласт обшивки в конце трассы занимает меньше минуты. Садись на сани прямо, облаченный в прорезиненный спортивный костюм из лайкры и остроносые сапоги, шипованными перчатками осторожно опускаешь защитное стекло, превращающее тело человека в обтекае-

⁶³ Карвинг – термин, пришедший из лыжного спорта, означает стиль катания, характеризующийся отсутствием бокового проскальзывания саней в повороте. Карвинг (carving) значит «резать». Название возникло потому, что сани, наклоненные в повороте, как бы режут краем полозьев склон, оставляя ровные глубокие борозды, в отличие от обычного катания, когда полозья в повороте проскальзывают поперек движения, снижая скорость и оставляя более широкие и не такие глубокие следы.

⁶⁴ В фантастике (например, в вымышленной вселенной Star Trek) межзвездные расстояния преодолеваются за приемлемое время с помощью так называемого «варп-двигателя» (англ. Warp drive, двигатель искривления). Это собирательный фантастический научно-теоретический образ технологии или явления, смещающего пространство-время внутри зоны вокруг корабля, относительно пространства-времени вне него.

мую пулю. Ты – в другом мире, слышно только эхо собственного дыхания в тишине шлема. Зафиксировав каблуки на изгибах полозьев, сильно раскачиваешь сани взад-вперед из сидячего положения, а затем, резким толчком таза и движением плеч отталкиваешь поручни по бокам от стартового створа. Потом 2–3 быстрых агрессивных гребка шипованными перчатками по твердому льду, и вот оно, время обрести душевное равновесие и каким-то образом даже стать грациозно-изящным.

После старта плавно ложишься на спину ногами вперед на сани весом в 50 фунтов и стремишься вдоль идеальной воображаемой кратчайшей линии вниз по трассе. Давишь ногами и плечами, меняя точку контакта полозьев со льдом. Если все делаешь правильно, то сани управляются легким изменением положения тела, без лишних заносов, которые срезают лед и увеличивают время спуска. Это очень необычно – когда мир проносится мимо с ошеломляющей скоростью, надо расслабиться. В этом спорте выигрыш часто измеряется в миллисекундах, а чем незаметнее и плавнее движения на входе, и чем меньше ошибок, нуждающихся в исправлении, тем быстрее движешься.

Шлем и стекло защищают голову и лицо от увечий, а шейный ремешок предохраняет затылок от отскока ото льда. Во время самых жестких поворотов саней тело испытывает перегрузку в 6 единиц (6 g). Очень тонкие пластиковые прокладки, отформованные под ваши запястья, локти, колени и плечи, смягчают боль при случайном касании боковой стенки трассы, но ничто не поможет, если потеряешь контроль и загремишь рикошетом, как мелочь в кармане джинсов внутри барабана стиральной машины.

Для победы в соревнованиях надо распластаться на санях и расслабиться, поглощая микронеровности, когда с грохотом летишь вниз по ледяной трассе. Один из наших тренеров, советский невозвращенец Дмитрий Фельд, говорил мне на своем ломаном *amerikanskom*: «Держи голову ровно, или я отрублю ее, как большевик в революцию». Отличный совет, так как, выгибая шею, чтобы осмотреться, создаешь огромное аэродинамическое сопротивление, поэтому надо (насколько это возможно) полагаться на периферийное зрение, но в большинстве случаев все вокруг размыто.

В идеале, входя в вираж перед поворотом необходимо лишь ненадолго взглянуть вниз из-под мышки, но по большей части времени голова должна находиться по потоку далеко сзади, и судить о том, как проходишь трассу, можно лишь боковым зрением.

Набивая синяки и шишки, я быстро узнаю, что ключ к динамическому управлению санями – это тщательно рассчитанное и изящное применение силы. Учусь направлять свою энергию и тревожность на разгон по трассе в Лейк-Плэсиде, стуча стальными полозьями и сбивая кристаллы льда с почти вертикальных стен. Со скоростью 50, 60, а потом и 70 и даже 80 миль в час передо мной проносятся испуганные лица моих сверстников. Каждый заезд длится от 45 до 50 секунд, но к тому времени, когда пересечена финишная черта, я, как правило, обливаюсь потом, задыхаюсь, иногда получаю ушибы, и всегда – адреналин зашкаливает, когда я выхожу из состояния похожего на транс или поток.

В таком состоянии можно выполнять не более 4–6 заездов в день, а общее время, проведенное на льду, составляет менее 6 минут. Все остальное – это подготовка тела и сознания, а потом отдых.

Возможно, это не так опасно, как кажется? В то время как спортсмены получали серьезные увечья, а два олимпийца погибли при подготовке к соревнованиям, большинство травм на санях – это удары и ушибы, хотя и покрывающие порой тело с головы до ног. Несмотря на скорость и выброс адреналина, который, честно говоря, может вызывать зависимость, спуск на санях – не лучший спорт для помешанного на скорости наркомана или сорви-головы. Требуется дисциплина и спокойствие, чтобы убедить сани безопасно съехать по трассе.

Недолгое пребывание в Лейк-Плэсиде заставляет нас, новичков, отнестись к спорту серьезно, и в моем случае это срабатывает. Я подсел. Мои плановые три недели превращаются

в целую зиму, поскольку я всерьез думаю побороться за награды Калгари-88. Бонни Уорнер говорит, что для подготовки к участию в соревнованиях обычно требуется 4 года тренировок, поскольку другие саночники начинают заниматься спортом с детского возраста. Предстоит соревноваться за одно из четырех мест с парнями, которые уже профессионалы, так что нужно наверстать упущенное за два с небольшим года, оставшиеся до отбора в сборную США для участия в зимних Олимпийских играх 1988 года. Никогда не забуду, как мы с длинноволосым Джоэлем Пескиным в его «Шэви Эль-Камино» едем к трассе: сани и его фиолетовый спортивный костюм лежат в багажнике, а из динамиков стереосистемы гремит Highway to Hell AC/DC.

По прошествии трех месяцев прохожу всю трассу в мужской одиночной категории – редкое достижение для начинающих саночников. Лейк-Плэсид известен среди опытных конкурентов как самая трудная в мире трасса для мужчин. По словам тренера Дмитрия, «на выраже № 3 вместо того, чтобы смотреть вперед, смотришь в глаза Богу».⁶⁵ Тренировка сознания оказывается не менее важна, чем физическая тренировка тела, и кажется, что одно сопрягается с другим. Сюда входит и понимание опасностей в конкретной ситуации, и определение стратегии для их преодоления.

Неудача чревата тяжелыми ушибами и мучительной болью в суставах, когда тело рикошетит ото льда словно маленький стальной шарик в каком-то адском пинболе. Но без этого я не могу прочувствовать, насколько я живой, и подсознательно твержу уроки, которые растянутся на всю жизнь. Я начинаю глубоко исследовать стоящие передо мной проблемы, нахожу подходящие решения для тела и сознания, а затем методично подступаю к самым сложным задачам с большей уверенностью.

Мама по природе осторожна и по-матерински заботится обо мне, поэтому не приходится напоминать ей, что я не собираюсь получать травмы. Верьте или нет, но я на самом деле очень забочусь о безопасности. Адреналиновые наркоманы – не мои герои. Итальянец Пауль Хильдгартнер,⁶⁶ завоевавший три олимпийские медали в санном спорте за упорство и стабильные результаты – вот образец, к которому я подсознательно стремлюсь.

Начинаю практиковать предварительную визуализацию,⁶⁷ лежа на полу или на скамейке перед забегом, физически и мысленно беря себя в руки. Я хорошо умею двигать своим телом в той же последовательности, в какой оно будет двигаться во время заезда по трассе. Позже использую этот навык во многих жизненных ситуациях – от хирургических процедур до подводного плавания и от выхода в открытый космос до высокогорного альпинизма. Узнаю, что если не можешь заранее предвидеть успех, он случается гораздо реже.

Из Калифорнии сообщаю в Стэнфорд, чтобы мне позволили разработать новый учебный план для медицинской школы с учетом пяти месяцев всесторонней подготовки и соревнований по санному спорту с ноября по март. Затем следуют 7 месяцев коловращения в клинике медицинской школы и поддержание формы. Интенсивное поднятие тяжестей, бег на короткие дистанции, бег по ступенькам стадиона Стэнфорд и езда на велосипеде становятся частью моих тренировок в межсезонье, когда я не курсирую на санках, поставленных на колеса, уклоняясь от оранжевых конусов, бегунов и собак, несясь на скорости 40 миль в час вниз по самодельной трассе для слалома в Сэнд-Хилл-роуд. Стэнфорд оказал мне огромную поддержку в моих поисках, и преподаватель-медик часто гордо представляет меня на обходах в больнице как студента-люгера⁶⁸.

⁶⁵ Aimee Berg, "OLYMPICS; Astronaut's Adventure on Earth: Luge," New York Times, November 6, 1998. – Прим. авт.

⁶⁶ Пауль Хильдгартнер (итал. Paul Hildgartner) – итальянский саночник, двукратный олимпийский чемпион, серебряный призер Олимпийских игр 1980 года на одноместных санях, неоднократный чемпион мира и Европы. Знаменосец сборной Италии на Олимпиаде-1984.

⁶⁷ Визуализация (направленное воображение) – представление себе некоего образа или сценария на определенную тему и с определенной целью.

⁶⁸ Игра слов: англ. Luger – это и человек, катающийся на санях, и немецкий пистолет «люгер» времен II Мировой войны.

«Мы предпочитаем, чтобы нас называли саночниками», – протестую я, но безрезультатно.

Мой партнер в межсезонье – парень по имени Рэй Окампо. Мы сошлись на баскетболе. Кроме того, его отец служил во флоте, поэтому он, как и я, постоянно переезжал в детстве. Рэй – самый приятный, привлекательный и сердечный из всех, кого только можно встретить. Он работает штатным адвокатом в небольшой, но быстро развивающейся IT-компании Oracle (главным юрисконсультom которой станет впоследствии), когда не гоняет на санях. Он родился на Филиппинах и прожил большую часть своей жизни в Соединенных Штатах. Рэй планирует побороться за место в олимпийской сборной США, но на случай, если не выйдет, имеет запасной план, вдохновленный Уолтером Митти⁶⁹: побороться за Филиппины.

Так как я выше, чем большинство спортсменов-саночников, и у меня длинные руки и ноги, приходится дорабатывать сани под свое телосложение. В Центре олимпийской подготовки в Лейк-Плэсиде есть небольшая мастерская, где мы работаем с санями. Я покупаю свои на распродаже и затем модифицирую сиденье (обтекатель, где будет лежать мой торс) вместе с куфенами (Kufen – по-немецки «полозья»), на которые буду давить ногами. Ткань и лента из стекловолокна нарезаются по размеру, вымачиваются в вонючей эпоксидке и формируются вручную в виде изогнутой хоккейной клюшки (при этом обрывки остаются на руках и на одежде). Как только сани высохли и отшлифованы, на передней части полозьев пишу их название. Называю их в честь самых знаменитых из известных мне санок – «Роузбад» (Rosebud⁷⁰). Рэй также возится со своими санями и нарекает их «Кори Акино Экспресс» (Cory Aquino Express), отмечая таким образом падение филиппинского диктатора Фердинанда Маркоса⁷¹.

На пути к олимпийским состязаниям я участвую в соревнованиях в Лейк-Плэсиде, а затем в Европе, в одиночном и парном разрядах⁷². Но парный заезд чуть не прерывает мою карьеру в санном спорте и только чудом не закрывает мне путь в космос. В преддверии Национального чемпионата по санному спорту 1987 года, примерно за год до зимних Олимпийских игр, я оцениваю свои шансы: становится ясно, что соревнования в парном катании на санях будут немного более легким способом попасть на олимпиаду. «Роузбад» не подходит для двух человек, поэтому я одалживаю старые сани-двойку и готовлюсь к выходу на лед с жилистым Риком Фраем, бывшим борцом, который будет на санях номером один. Я буду номером два, как водитель, пристегнутый к верхней площадке саней, а Рик должен будет помогать передавать усилия от меня полозьям на льду.

В финальном заезде мы хорошо стартуем, ускоряемся, минуя верхние виражи, но при переходе от кривой № 10 к кривой № 11 сталкиваемся с проблемой: очень поздно выходим из огромного виража в форме греческой буквы омега (Ω), за что приходится платить серьезную цену. Примерно 400 фунтов стали, дерева, стекловолокна и двух тел, движущиеся со скоростью, примерно 60 миль в час, превращаются в мячик для пинг-понга. Мы входим в следующий вираж слишком поздно, и, прежде чем я это осознаю, переворачиваемся, повиснув в воздухе вниз головой, а моя правая голень все еще скользит по дальнему краю трассы.

⁶⁹ «Тайная жизнь Уолтера Митти» (англ. *The Secret Life of Walter Mitty*) – кинофильм режиссера Нормана Маклауда, вышедший на экраны в 1947 году и основанный на рассказе Джеймса Тербера. Повесть о сотруднике издательства, в фантазиях превращающегося в персонажей приключенческой и любовной литературы, которую вынужден читать по долгу службы. В 2013 году вышел ремейк, снятый Беном Стиллером.

⁷⁰ Игра слов: Rosebud одновременно может означать и «лепесток розы», и «дебютанта».

⁷¹ Мария Корасон Кохуангко-Акино (исп. *María Corazón Cojuangco-Aquino*, 25 января 1933–1 августа 2009), также известная как Кори Акино – 11-й президент Филиппин (с 1986 по 1992 годы), вступила в должность после смещения Фердинанда Маркоса.

⁷² Олимпийская программа соревнований по санному спорту включает в себя 4 дисциплины: одиночные заезды среди мужчин, одиночные заезды среди женщин, двойки среди мужчин и эстафета с участием представителей перечисленных видов программы.

Все происходит так быстро, что видя сплошной лед на 4 фута под собой, мне трудно понять, что на самом деле происходит? Я все еще привязан к снаряду, который, кажется, навсегда потерял опору. Но каким-то образом мы падаем на бок, скользим на плечах, дыхание полностью сбивается. Не иначе как с божьей помощью нам удастся стабилизировать сани и проскочить через финишную черту. Чудом, сделав глубокий вдох и проверив, все ли части тела на месте, мы оба медленно уходим, приветствуя зрителей (они аплодируют стоя) со смесью испуга и облегчения на лице.

Для того, чтобы достичь наилучшего результата на Олимпиаде следующей зимой, начиная с этого дня концентрируюсь на том, чтобы стать самым лучшим саночником-одиночкой, какие только могут быть.

Заезд по трассе для мужчин-одиночек⁷³ в Лейк-Плэсиде до сих пор считается настолько опасным, что некоторые иностранные спортсмены отказываются участвовать в соревнованиях, но у команды США выбора нет. Нередко саночники получают травмы, падая лицом на лед или рикошети от стенок трассы на ужасном переходе между виражами № 2 и № 3, когда правая и левая сторона меняются менее чем за мгновение ока.

Мне удастся собрать воедино лучшие заезды в моей жизни при отборе в олимпийскую сборную – серию из трех гонок, каждая из которых состоит из 4 заездов. Я записал свои лучшие результаты, включая два 7-х и одно 13-е место. Поскольку на табло в нижней части трассы есть 7 мест для имен участников, очень приятно видеть слово «PARAZYNSKI», сложенное из лампочек.

Сколько бы я ни готовился и ни тренировался (включая бесконечные часы ночных морозных тренировок в Лейк-Плэсиде при ледяном ветре), при отборе в Национальную сборную США на Олимпиаду 1988 году я финиширую девятым. Только первая тройка может участвовать в соревнованиях, а четвертый – запасной. Мне уже 26, и моя олимпийская мечта внезапно рушится. Всего этого времени и всей этой боли – вместе с дрожью, потом, синяками и часами предварительной визуализации – оказалось недостаточно. Я отдал все свои силы, но, к сожалению, пришлось оставить «Роузбад».

Затем звонит Рэй Окампо. «Эй, почему бы тебе не приехать в Альберту и помочь мне?» Альберта? Калгари? Что? Я не часто видел Рэя в последнее время (он тренируется и участвует в гонках на других трассах, когда не работает по 16 часов в Oracle), и оказывается, что Олимпийский комитет Филиппин собирается принять его двойное гражданство и разрешить ему участвовать зимней Олимпиаде 1988 года. Рэй – в команде по санному спорту, и ему нужен тренер. Я. Поеду. На. Олимпиаду!

По словам Рэя, он обратился ко мне по нескольким причинам. Во-первых, из-за симпатии, во-вторых, зная, что я построил собственные сани, и кое-что понимаю в них. В-третьих, я почти что врач и обладаю навыками неотложной помощи, которые, как мы оба надеемся, не понадобятся. Наконец, он предполагает, что мы отлично проведем время вместе в Олимпийской деревне. Кроме того, он вспоминает, что одна из моих личных целей – встретиться с гламурной и очень популярной фигуристкой Катариной Витт⁷⁴ из Восточной Германии.

Моя собственная олимпийская мечта рухнула, но дружба с Рэем приводит к чему-то еще большему – я поддерживаю олимпийскую мечту друга. Если я хочу учиться на неудачах, я должен быть открыт для новых идей и разных путей к успеху. Как тренер Рэя и глава филиппинской делегации на зимней Олимпиаде (последнее – вынужденное повышение, поскольку никто из Олимпийского комитета Филиппин в Калгари не явился), получаю почетное право

⁷³ Мужчины стартуют с самой верхней точки трассы, женщины и двойки берут старт на три виража ниже.

⁷⁴ Катарина Витт (нем. Katarina Witt) – двукратная олимпийская чемпионка в одиночном катании (1984, 1988), 4-кратная чемпионка мира (1984, 1985, 1987, 1988), 6-кратная чемпионка Европы (1983–1988 подряд), 8-кратная чемпионка ГДР.

остаться в Олимпийской деревне вместе с другими спортсменами, включая Эдди «Орла»⁷⁵ и ямайскую бобслейную команду. И, да, Рэй знакомит меня с Катариной Витт! Посещаю ежедневные планерки руководства олимпийских комитетов. Играю в видео-аркады на автоматах, потею в тренажерном зале, танцую на дискотеке и угощаюсь тяжелыми углеводами вместе с другими атлетами.

Лучший момент – шествие команд на церемонии открытия. Мы, безусловно, самая маленькая делегация на параде. Рэй называет нас «блондин и филиппинец», и я никогда не забуду, как он гордо нес флаг, когда мы вышли на стадион под громкие возгласы. Даже при том, что холодно до обморожения мозга -10°C – мы решили не надевать шапки, чтобы зрители могли видеть контраст между моими золотыми локонами и черной смолой волос Рэя. Наши сине-красные лыжные куртки с желтой вышивкой смутно напоминает цвета филиппинского флага. Толпа, кажется, действительно болеет за нас, даже несмотря на разочарование: ABC⁷⁶ объявляет перерыв на рекламу в то время, когда нас формально объявляют, и мы радостно принимаем роль очаровательных аутайдеров. Рэй все еще клянется, что нас приветствовали громче всех, даже громче, чем канадскую команду. Я не совсем уверен, но мои уши заledenели и все еще не оттаяли, оставшись без шапки тем вечером.

Пришлось сильно напрячься, когда всего за два дня до церемонии открытия Рэй разбил один из полозьев, используемых для управления. Он должен пройти завтра трассу без сучка и задоринки, если хочет получить шанс на официальное участие в состязаниях. Ремонтирую полоз, пока по телевизору идет «МакГайвер»⁷⁷: представляю себя хирургом-ортопедом, столкнувшимся с переломом бедренной кости с полным смещением отломков – соединяю «кость», затем оборачиваю ее стекловолокном и заливаю смолой. Шлифую лезвия полозьев⁷⁸, а затем всю ночь крашу в подвальной мастерской Олимпийской деревни. «Кори Акино Экспресс» выглядит хорошо – как новый. И на следующий день Рэй действительно готов участвовать в соревнованиях, представляя страну, в которой родился. Сказать, что мы оба в восторге – не сказать ничего.

В своем 4-м и последнем заезде олимпийских соревнований по санному спорту среди мужчин Рэй финиширует 35-м и не получает медалей. Но уже само участие в Олимпиаде означает гонку по льду за личным рекордом, в которой он выступил против заслуженных ветеранов на санках, собранных из обломков за ночь аварийного ремонта. И в довершение всего, каждый олимпиец, не исключая и тренеров, получает особую бронзовую медаль (но без ленты). Может, это звучит глупо, но, будучи гордым другом Рэя и его пит-стопным⁷⁹ механиком, я чувствую, что это и мой звездный час.

⁷⁵ Майкл Эдвардс (Michael Edwards, более известен как Эдди Орел Эдвардс) – британский лыжник, первый представитель Великобритании на зимних Олимпийских играх в прыжках с трамплина.

⁷⁶ American Broadcasting Company (ABC) – американская коммерческая телевизионная сеть.

⁷⁷ «Секретный агент МакГайвер» (англ. MacGyver) – американский приключенческий телесериал, созданный Ли Дэвидом Злотовым, с Ричардом Дином Андерсоном в главной роли секретного агента Ангуса МакГайвера, транслировавшийся на ABC и других телеканалах с 1985 по 1992 год.

⁷⁸ Лезвия, вернее даже сталь, из которой они изготовлены, считаются самой важной частью саней для соревнований. В зависимости от трассы и состояния льда спортсмены полируют и обрабатывают лезвия полозьев наждачкой и всевозможными притирками.

⁷⁹ Автор шутит, сравнивая свою работу с технической остановкой машины Формулы Один во время гонки для заправки топливом, смены шин, быстрого ремонта и проверки технического состояния. Для успешного выполнения пит-стопов (англ. pit stop, досл. «остановка над ямой») необходима согласованная работа всех членов команды, отточенная на многочисленных тренировках.

Глава 6. После смерти отоспишись

*«Распахни объятия мигу,
Окупись в себя, как в книгу —
Сегодня в ней напишешь ты
Лишь первую страницу».*
– *Наташа Бедингфилд, «Ненаписанное»*

Моффет-Филд, Калифорния, 1988 год

Несмотря на то, что я никогда не говорю об этом открыто, даже своим родителям или девушкам, с которыми встречаюсь, мечта стать астронавтом по-прежнему жива, она горит у меня внутри. Я секретный ASHO (произносится как аз-хо), сокращенно от Astronaut Hopeful («Надеющийся стать астронавтом») – лестное прозвище, которое настоящие астронавты используют для людей вроде меня, которые хотели бы стать такими как они. Мои пока тушки на санях – это просто еще одно приключение, и когда тренер Дмитрий и другие побуждают меня продолжить подготовку к Зимним Олимпийским играм 1992 года в Альбервиле, я осознаю, что пора двигаться дальше. Мне нужно повернуть всю свою энергию обратно в медицинскую школу, отложить в сторону мечту о полетах на льду и вместо этого преследовать мечту о полете в космос.

Сразу после возвращения с Олимпийских игр в Калгари я подаю заявку на стипендию для аспирантов NASA в Исследовательском центре Эймса, прямо по шоссе 101 от Стэнфорда. В обмен на мою работу и помощь в исследованиях NASA заплатит за год обучения в медицинской школе, и я получу небольшую задачу в настоящей космической программе. Я работаю в лаборатории физиологии доктора Алана Харгенса, начальника отделения космической физиологии.

Алан, доктор философии с датскими корнями, известен во всем мире своими новаторскими экспериментами в области гравитационной биологии и является одним из самых умных ученых, каких я когда-либо встречал. У него потрясающее остроумие, он по памяти может цитировать десятки ярких лимериков⁸⁰, и, как известно, сам способен создавать оригинальные лимерики для особых случаев.

Доктор Харгенс широко известен опубликованной им статьей о том, как некоторые особенности физиологии жирафов предотвращают опухоли конечностей и мозга. Он проводил исследования по адаптивной физиологии животных во всем мире, включая Антарктиду. В Центре Эймса (NASA) он пытается определить, почему у астронавтов в космосе отекает лицо. Мой проект в его лаборатории особенно дерзок – мы стремимся измерить 4 так называемых «давления жидкости Старлинга»⁸¹, поместив человека на ложе с наклоном 6° головой вниз. Перераспределение жидкости, возникающее при этом, имитирует процессы, происходящие в организме в космической невесомости. Для последующих исследований мы используем парикмахерское кресло, хирургический микроскоп и микропипетки, доведенные до настолько малой толщины, что можно вонзить иглу в бьющийся кровяной капилляр и измерить пульсирующее

⁸⁰ Лимерик – популярная форма короткого юмористического стихотворения, построенного на обыгрывании бессмыслицы, возникшая в Великобритании.

⁸¹ Эрнест Генри Старлинг (англ. Ernest Henry Starling) (17 апреля 1866–2 мая 1927), английский физиолог, автор трудов по лимфообразованию, кровообращению, физиологии кишечника, функции почек и т. п. Более всего прославился благодаря закону Франка-Старлинга, показывающему зависимость систолического давления сердца от конечно-диастолического объема крови.

внутри давление. Результаты этого исследования получают широкую известность, цитируются и, в конечном итоге, публикуются в американском «Журналом прикладной физиологии».⁸²

В космосе у астронавтов часто развивается отек или припухлость лица, сопровождаемые легким насморком и головной болью, потому что из-за отсутствия силы тяжести кровь и тканевые жидкости не приливают больше от головы к ногам, как это происходит на Земле. И напротив, у астронавтов, по-видимому, развиваются «птичьи лапки» – жидкости так перераспределяются в центральной системе кровообращения, что обхват ног (бедер и голеней) уменьшается на 10–30 %.⁸³

Через несколько дней в космосе устанавливается новый баланс жидкости, и отек лица сходит, хотя у некоторых астронавтов при длительных экспедициях наблюдаются значительные, потенциально необратимые изменения остроты зрения. Сейчас известно, что это – результат легкого хронического повышения внутричерепного давления. Для ученых-медиков важно понять это явление и решить проблему в интересах будущих астронавтов, отправляющихся в длительные экспедиции, особенно тех, кто когда-нибудь предпримет двух- или трехлетнюю миссию на Марс.

У меня также есть возможность поработать с другим ученым NASA с мировым именем, доктором Эмили Мори-Холтон. Она – первопроходец в области исследования физиологии костей и изобретатель техники для имитации физиологических эффектов невесомости у крыс, называемой «подвеска задних конечностей»: грызуны перемещаются в своих клетках, перебирая передними лапками, в то время как их задние конечности и хвост удерживаются над полом с помощью приспособления, напоминающего тележку. Это позволяет на клеточном уровне изучать процессы формирования и развития кости при разнообразной физической активности человека, включая работу астронавтов в космосе.

Мы с коллегами придумали компактный и легкий тренажер для использования в космосе, позволяющий космонавту воздействовать одной стороной своего тела на другую с очень большим напряжением. Стопка «блинов» от штанги в невесомости мало полезна для упражнений с отягощением, поэтому мы называем наш тренажер «Устройством создания сопротивления между конечностями» ILRD (Inter-Limb Resistance Device) на языке NASA. Я впервые попробовал невесомость на вкус при испытаниях этого устройства вместе со своими соавторами, Аланом Харгенсом, Дугом Швандтом и Майком Аратовым, на печально известной «рвотной комете» – специально модифицированном самолете KC-135, который используется NASA для полетов по параболе: его пассажиры могут ощущать невесомость длительностью от 25 до 35 секунд. Лицо сводит улыбка от уха до уха, когда я выполняю 5 последовательных вращений по одной параболе.

Наша работа настолько успешна, что авторитетные научные журналы публикуют ее результаты, и я впервые выхожу на трибуну, чтобы с волнением представить их на научной конференции. Больше всего я люблю возиться в лаборатории NASA – это возвращает меня к тому веселому времени, когда в отцовской мастерской мы с папой делали ракеты для запуска в космос дружелюбных насекомых-соседей.

Но я несколько переусердствовал в этом, и в последний момент откладываю сдачу вступительных экзаменов. Мне также нужно подать заявку на специальную подготовку, которая называется ординатура, – следующий этап медицинской карьеры, включающий опыт работы в клинике. Лучший выбор для меня – программа стажировки в Бостоне в знаменитой Женской больнице Бригэма (Brigham and Women's Hospital) при Гарвардской медицинской школе. Затем я собираюсь завершить вторую программу экстренной медицинской помощи в больнице

⁸² S. E. Parazynski et al., "Transcapillary Fluid Shifts in Tissues of the Head and Neck During and After Simulated Microgravity," *Journal of Applied Physiology* 71, no. 6 (1991): 2469–2475. – *Прим. авт.*

⁸³ Mark Springel, "The Human Body in Space: Distinguishing Fact from Fiction," *Science in the News* (blog), July 30, 2013, <http://sitn.hms.harvard.edu/flash/2013/space-human-body/>. – *Прим. авт.*

общего профиля Денвера (Denver General Hospital). Обе наиболее престижны в своих категориях, поэтому у меня есть еще несколько запасных вариантов на всякий случай.

Еду в Бостон, чтобы пройти собеседование на стажировку в «Бригэме» у доктора Маршалла Вольфа, блестящего врача чрезвычайно высокого класса, с галстуком-бабочкой на шее. Он известен как заботливый и чуткий наставник интернов, проходящих подготовку по его программе – многие впоследствии оказывают огромное влияние на мировую медицину, включая доктора Пола Фармера, известного своей гуманитарной деятельностью в Гаити.⁸⁴

«Чем вы планируете заниматься через 10 лет?» – спрашивает доктор Вольф.

«Не могу вам сказать», – мне удается улыбнуться, хотя и немного нервно.

«Почему?»

«Если скажу, вы меня не возьмете».

Он слегка улыбается в ответ и поправляет галстук-бабочку.

«Итак, если вы уже знаете, что я вас не возьму, что вам мешает сказать?».

Это он так шутит? Я не уверен, и понятия не имею, как он отреагирует. Мой ответ может означать конец моей карьеры врача.

С трудом сглатываю ком в горле и делаю решительный шаг, раскрывая самую глубокую и потаенную мечту. Раньше я почти никогда не произносил это вслух:

«Я хочу стать астронавтом».

Он смотрит на меня, уже без улыбки.

Я жду.

Он снова улыбается.

«Почему вы думаете, что я не приму вас из-за желания стать астронавтом? Астронавтом вы сможете работать по нашей программе и сделаете больницу «Бригэм» известной на весь мир».

Вот так.

Позже он расскажет мне, что не мои передовые исследования для космических программ и не мои приключения с санями убедили его. Или мои баллы учебно-экспериментального теста, показавшие, что я могу работать и хорошо взаимодействовать с другими. Нет – он просто посчитал меня интересным уникалом. Это все равно, что назвать человека «особенным» или «хорошим», когда он предпочитает быть дьявольски красивым. Но мне нравится, что доктор Вольф воспринимает меня всерьез, и он, кажется, верит в меня. Группа людей, в которую он входит, убеждена, что они изменяют лицо медицины.

Когда наступает день выбора, открываю конверт, в котором оказывается моя судьба. Чувствую удивительную эйфорию вперемежку с нотками неверия. Меня выбрали первые два пункта моего списка несмотря на очень неравные шансы. Еще один скачок на моем пути к тому, чтобы стать врачом-астронавтом.

Прежде чем я смогу начать стажировку в Бостоне, мне нужно пройти непростой профессиональный тест, состоящий из нескольких частей, называемый экзаменом на получение медицинской лицензии в США⁸⁵. Записываюсь на тестирование, параллельно работая в лаборатории, и отвожу на учебу не слишком много времени. Разве могут возникнуть какие-то трудности? В конце концов, я ведь провожу исследования в области экстремальной физиологии человека и животных. Но как только начинается 8-часовой экзамен, понимаю, что два или три года не занимался фундаментальными научными исследованиями, а тестирование охва-

⁸⁴ Tracy Kidder, *Mountains Beyond Mountains: The Quest of Dr. Paul Farmer, a Man Who Would Cure the World* (New York: Random House, 2004). – Прим. авт.

⁸⁵ Врач обязан пройти United States Medical Licensing Examination (USMLE) прежде чем ему будет разрешено заниматься медицинской практикой в США. Экзамен оценивает способности применять знания, концепции и основы, а также определяет фундаментальные навыки, составляющие основу безопасности и эффективного ухода за пациентом.

тывает широкий круг предметов, включая патологию, фармакологию, микробиологию, биохимию, науки о поведении, питании, старении и генетике.

Пытаюсь чем-нибудь заняться, ожидая результатов теста, с комком в горле 1–2 раза в день проверяя почтовый ящик. Наконец, приходит конверт. На этот раз разрываю его с трепетом, надеясь, что каким-то образом получил золотой билет. Но он... совсем не золотой: 2 из 6 разделов провалены. Пока не пройду их, мое будущее останется в подвешенном состоянии. В ужасе чувствую себя физически больным, сердце бешено колотится в груди каждый раз, когда вспоминаю о результатах теста. Более того, я смущен: никогда по-настоящему не проваливался ни в чем значительном, за исключением, возможно, занятий в хоре в 7 классе, когда я эффектно имитировал пение интенсивной артикуляцией губ.

Экзамен нужен, чтобы узнать, кто я на самом деле, и заново изучить два проваленные раздела; если я их пройду, буду на пути в Гарвард и дальше. Если нет, смогу жарить гамбургеры в «Макдональдсе» (не то, чтобы с этой профессией что-то не так, но она не имеет почти ничего общего с мечтой моей жизни; и кроме того я не слишком хороший повар). Страхиваю пыль с методичек, которые, по сути, и не брал в руки, и с удвоенной силой изучаю фармакологию и патологию. Снова иду на экзамен и прохожу тест, но это не слишком радует. Понимаю, что следует умерить пыл и постоянно оценивать свои приоритеты: я был слишком сосредоточен на своей лабораторной работе.

Программа Вольфа сложная, много ночей я провожу без сна, но за год работы в Бостоне мой интерес к воздействию космоса на организм и физиологию человека только растет. Я снова чувствую себя обладателем значка «Скаута-орла»⁸⁶ – еще одна важная веха на моем долгом пути в космос.

После года в Бостоне загружаю синий джип «Рэнглер», первую приобретенную мной машину, и направляюсь через всю страну в Скалистые горы Колорадо. Жду не дожусь восхождения. Знаю, что здесь 59 четырнадцатитысячников (пики с высотой не менее 14 тысяч футов), и когда пока я мчусь в джипе, надеюсь найти время, чтобы покорить хотя бы часть из них.

Снимаю небольшую горную хижину в Эвергрине, штат Колорадо, примерно в 45 минутах езды от Денвера. Но ежедневные поездки на работу – невеликая плата за то, чтобы жить на высоте 7500 футов (2290 метров), имея возможность выйти через переднюю дверь и сесть на горный велосипед или в джип и совершить вылазку в горы. И мне нужно это спокойствие, чтобы овладеть программой обучения экстренной медицинской помощи, насыщенной энергией и драматизмом.

«Книга Бытия» неотложки больницы общего профиля в Денвере выглядит как фотоальбом под названием «Клуб ножа и пистолета» (The Knife and Gun Club), производящий жуткое впечатление. Это больница и травматологический центр в городе, претерпевающим резкие изменения, а необходимость в постоянном и быстром принятии решений, от которых зависит жизнь или смерть, делают ее идеальным местом для овладения профессией. Преподаватели – отнюдь не белые и пушистые, но я знаю, чего ждать (а это, как правило, вообще бомба).

Скорая помощь – это дежурство по сменам, между которыми случаются многочасовые паузы, когда я ухожу с работы и отправляюсь домой в горы. Мой лучший друг в программе – Марк Радлауэр из Нью-Йорка, с пыльно-каштановыми волосами и улыбкой мудреца. Это отнюдь не типичный выпускник МИТ⁸⁷, по крайней мере, как не такой, какими я их себе пред-

⁸⁶ Значок «Скаута-орла» (Eagle Scout Badge) получает бойскаут первой ступени как высшую степень отличия по всем видам зачетов.

⁸⁷ МИТ (Massachusetts Institute of Technology) – один из наиболее известных вузов мира. Расположенный в Кембридже, штат Массачусетс, основан в 1861 г. Из стен МИТ, который в настоящее время занимает вторую строчку в рейтинге самых лучших университетов мира по версии The Time, вышло множество ученых, в том числе 81 лауреат Нобелевской премии.

ставлял. Он очень хорошо разбирается в иронии и абсурде, и всегда готов залезть на скалу, подняться на четырнадцатитысячник или покататься на лыжах, если мы не мчимся на вызов.

Наш девиз: «После смерти отоспишься» и, несмотря на постоянное нервное истощение, мы заставляем себя выходить на свежий воздух и что-то делать, даже если тело умоляет о сне. Часто мы работаем всю ночь, потом прыгаем в машину и уезжаем на целый день кататься на лыжах со склонов гор.

Приоритеты приоритетами, но я даже нахожу время для отношений с очень милой женщиной, работающей по программе обучения в ординатуре. Когда, в конце концов, мы расстаемся, она называет меня «неуспокоенной душой», пытаясь заставить меня понять, что я совершаю большую ошибку. К ее ужасу, это описание действует скорее вдохновляюще: моя неуспокоенность – то есть беспокойность – от того, что в этой жизни много дел.

Жизнь в самом сердце колорадских Скалистых гор, в окружении высоких пиков, пробуждает путешественника в моей душе: хочется покорить каждую вершину, взбираясь по гребням холмов и карабкаясь по гладким стенам.

Утро обычно начинается следующим образом: я вдыхаю прозрачный и свежий утренний воздух, наслаждаясь ароматом вечнозеленой хвои и наполняя им альвеолы до самой диафрагмы. А-а-а. Наполняюсь чистотой, благодарностью и – самую капельку – самодовольством. Жизнь – офигенная штука!

Глава 7. Скажи «сы-ы-ы-р»

«Если сразу не получилось, то прыжки с парашютом определенно не для вас»

– Стивен Райт

Скалистые горы в штате Колорадо, 1991 год

К этому времени я уже достаточно опытный горный турист, но по-прежнему новичок в альпинизме и скалолазании. Понятия не имею, сколько времени понадобится, чтобы покорить все оставшиеся четырнадцатитысячники, но решаю попробовать. В студенческие годы в Стэнфорде я ходил в походы в Сьерра-Неваде с Доном Кларком – таким же приключенцем, как я сам. Отучившись на инженера в Сакраменто, Дон продолжил семейный бизнес, возглавив крупную строительную компанию. Он всегда был полон энтузиазма и энергии, хотя в первые годы нам зачастую не хватало совместного планирования и принятия общих решений.

Дон очень рад моему переезду в Колорадо, и вскоре вместе со мной совершает зимнее восхождение на Пик Лонгс (Longs Peak) в Национальном парке Роки-Маунтин⁸⁸. Даже в солнечные летние месяцы подняться туда непросто, и прямо-таки жутко, когда погода меняется. К сожалению, мы попали в метель и две ночи вынуждены были провести в палатке на высоте 11 тысяч футов (3400 метров) над уровнем моря – два здоровенных парня в полной зимней экипировке в крошечной палатке – надеюсь, что погода прояснится, чтобы можно было подышать свежим воздухом и двинуться вверх. Одним из неприятных побочных эффектов перехода на большую высоту с более низким атмосферным давлением является следствие закона Бойля-Мариотта: чем выше поднимаешься, тем сильнее расширяется газ, в том числе и содержащийся в желудочно-кишечном тракте. Это состояние настолько заметно, что даже имеет медицинское название «высотный метеоризм» HAFE (High Altitude Flatus Expulsion). Представьте, как мы были благодарны ветру и улучшению погоды.

В поисках следующей большой задачи звоню Дону и Марку с полусырой идеей: «Пойдем этим летом по карнизу Стеттнеров (Stettner's Ledges) на Пик Лонгс». Это означает реальный альпинизм, а не просто пеший поход в горы. Я немного потренировался в скалолазании на местных скальных россыпях под руководством более опытных альпинистов и думаю, что смогу первым пойти мультипитч⁸⁹ к вершине высотой 14 259 футов (4349 м). Между тем у Марка практически нет опыта восхождения ведущим в связке, а Дону и вовсе не помешал бы урок по основам скалолазания. Конечно, что же могло пойти не так?

Накануне вечером мы поднялись к озеру Чазм (Chasm Lake), чуть ниже ледника Миллса (Mill's Glacier), над которым зловеще вздымается Алмазная стена (Diamond Face) Пика Лонгс. Прибываем на место в сумерках, перебираемся через нагромождение неровных глыб, освещая налобными фонарями импровизированный лагерь, который устроиваем под выходом скалы на

⁸⁸ Роки-Маунтин (англ. Rocky Mountain National Park) – национальный парк к северо-западу от г. Боулдер в шт. Колорадо. Доступен для посещения круглый год, известен своими видами на Скалистые горы, а также фауной и флорой, имеет протяженную сеть туристских троп и большое количество кемпингов. По территории парка проходит Американский континентальный водораздел и протекает река Колорадо.

⁸⁹ Мультипитч – скальный маршрут, разбитый на несколько вертикальных отрезков (участков) – питчей, каждый обычно имеет свою индивидуальную категорию сложности, обозначаемую соответственно классификации. Маршрут разбивается на питчи с целью организации надежной страховки, смены ведущего в связке, подъема оставленных на питче закладок и крючьев, использованных для организации промежуточных точек страховки и т. п. Между питчами ведущий скалолаз организует страховочную станцию, с которой страхует проходящего следующий участок участника связки. Прохождение мультипитча – разновидность скалолазания в связках; за рубежом так называют любые скальные маршруты протяженностью более одной веревки.

краю озера. Ужасная ночь, дует ветер, несколько часов подряд хлещет дождь; ждем первого луча света и затишья посреди ливня, чтобы выступить в путь.

Озябшие, встревоженные и возбужденные, поднимаемся рано утром и готовимся к предстоящему восхождению. Я держу быстрый темп, зная, что Марку надо вернуться в больницу к 23:00 и заступить на смену (скорая помощь), а это в двух часах езды отсюда, не считая времени на то, чтобы принять душ и переодеться. Поскольку я – единственный ведущий альпинист и нас всего трое на маршруте, мы должны пройти 6 питчей.

Иду номером первым на участке (около 150 футов или около того) из выступов и элементов, известных как «двугранные углы» (они напоминают открытую книгу, на страницы которой можно ставить ступни ног и кисти рук). Затем страхую партнеров или перехватываю веревку Дона, когда он поднимается до моего уровня; веревка идет через эксцентрик, что позволяет мне быстро отцепить ее и предотвратить падение Дона более чем на несколько дюймов, если он поскользнется.

Задача Дона на подъеме не только не слишком часто смотреть вниз, но и забирать страховочные приспособления, которые я оставлял на своем пути вверх. Это механические эксцентрики и другие закладки, которые можно втиснуть в трещины, чтобы удержать меня от случайного падения. Затем надо страховать подъем Марка до нашей позиции, прежде чем я смогу продолжить движение к следующему участку каменной стены. Сначала приходится торопиться, потом ждать, но в целом процесс очень медленный.

К сумеркам выходим к примечательному месту на Алмазной стене Пика Лонгс под названием Бродвей. Несмотря на то, что технические сложности кончились, до настоящей вершины еще несколько сот футов головокружительного подъема. Учитывая поздний час и приближающееся дежурство Марка, нам пора спускаться, и поскорее. Минуем траверс налево по Бродвею, чтобы добраться до Бараньего Ската (Lamb's Slide), верхней части ледника Миллса, часто используемого для спуска по данному маршруту.

Когда начинает темнеть, осознаю еще одну огромную проблему: у нас нет ни одного ледоруба или хотя бы пары кошек, чтобы спуститься по припорошенному снегом леднику, гладкому как каток. Обвязываемся веревками, включаем налобные фонари и посреди ночи медленно-медленно продвигаемся вниз с помощью самодельных якорей. Время от времени слышим свистящий грохот: сорвавшийся над головой камень на жутковатой скорости проносится мимо.

Около двух часов утра, наконец, возвращаемся в базовый лагерь, разбитый вчера вечером, физически вымотанные, но ощущая огромное облегчение: мы только что обманули смерть. Тем не менее, Марк оказался в очень неприятном положении: он пропустил свое дежурство, и нет никакой возможности сообщить кому бы то ни было, что с нами все в порядке. Просыпаемся задолго до рассвета, еле передвигаем ноги по пути к машине, и по пути встречаем двух своих друзей-ординаторов скорой помощи, которые приехали на поиски: наши подружки по понятным причинам напуганы нашим отсутствием и позвали подкрепление, чтобы проверить, как мы. Обещаем себе вернуться сюда еще раз, чтобы поставить галочку об успешном подъеме на вершину.

В следующий раз вечером, после восхождения от тропы к Пику Медвежонок (Little Bear Peak), мы с Марком обсуждаем, куда пойти утром. Ставим палатку в густом лесу чуть ниже опушки, на высоте 9 тысяч футов над уровнем моря. Утром, когда вылезаем из спальных мешков и переносим вечерние дебаты в холодную предрассветную мглу, выдыхаемый мной воздух образует огромные облака конденсата, а я спешу ответить на зов природы, опорожняя мочевой пузырь на соседний куст.

«Эй, Скотт! Почему бы тебе не сбегать вниз, и не принести нам пару чашек латте?!» – кричит Марк из своего спальника.

«Прошу прощения за мой польский, но не пошел бы ты...» – отвечаю я ему.

По мере роста технических навыков становлюсь отличным составителем планов экспедиции, руководителем и напарником по команде. Более того, помимо собственно техники, «горная школа» учит меня командной работе, находчивости и усидчивости, которые в конечном итоге пригодятся в тех необычных мирах, в которые я жажду попасть.

Люблю преодолевать трудности в горах и наслаждаться чувством выполненного долга вместе с друзьями. Мне нравится жизнь, полная приключений, и дороги даже те случайные мучительные моменты, когда осваиваю новые навыки, например, редкие случаи, когда оказываюсь во мраке и вынужден разбить бивуак под звездами, чтобы с минимумом снаряжения спускаться при свете следующего дня. Даже если что-то идет не так, а маршруты становятся все более сложными, мы находим лучшие решения, часто набиваем шишки, а затем смеемся над всем этим, возвращаясь к цивилизации и горячему завтраку.

Кроме того, начинаю видеть много общего между экстренной медицинской помощью и скалолазанием.

В работе отделения скорой помощи денверской больницы общего профиля нет недостатка ни в адреналине, ни в травмах. Я учусь внимательно наблюдать за пациентами, спокойно оценивать происходящее и работать с данными (их всегда меньше, чем нужно, особенно когда различные сложные случаи идут потоком), после чего, основываясь на собственных оценках и полученных клинических заключениях вместе с командой скорой помощи принимать критически важное решение о том, как лечить пациента.

И жить с этим решением.

Учусь подсознательно предвидеть возникающие проблемы, хотя и не знаю наверняка, когда и как они проявятся. И работа в скорой помощи, и скалолазание иногда требуют прыжка веры⁹⁰: глубоко вздохнуть, не смотреть вниз и быстро принять решение о том, каким будет следующий шаг. Полностью остаться в этом моменте, а следующими несколькими движениями превратить мир во всепоглощающую головоломку, требующую концентрации всех познаний. Мысленно проложить маршрут и действовать с уверенностью, что ноги выдержат, а пальцы схватятся за то, чего глаза еще не видят.

В конце первого года моей работы в Колорадо NASA начинает отбор новой группы астронавтов, и эта новость грохотом отдается в сообществе ASHO. Отправляю заявку и, как только приходит бланк, проверяю надежность своей электрической пишущей машинки, прежде чем его заполнить. Подхожу к анкете с необычной энергией и волнением. Однако она вполне исчерпывающая и включает предоставление рекомендаций, а также запрос о допуске для проверки безопасности – надо указать каждое место жительства. Мой список длинный и содержит экзотические названия: Арканзас, Луизиана, Вирджиния, Сенегал, Ливан, Греция, Иран, Греция, Вашингтон, Калифорния, Массачусетс, а теперь еще и Колорадо.

Честно говоря, не думаю, что пройду настоящее собеседование на астронавта с первого, или, возможно, даже со второго или третьего раза: все кажется слишком недостижимым.

Я до сих пор остаюсь фанатом-любителем и думаю о том, смогу ли хоть когда-нибудь проникнуть в «верхние слои» NASA. Но потом считаю: астронавты – просто люди, которых иногда отправляют в очень крутые командировки, и собираюсь попробовать стать таким человеком. Если я смогу просто приехать в Хьюстон на первое собеседование, возможно, через несколько лет, у меня будет шанс получить эту работу.

⁹⁰ Под этим термином обычно принимают акт веры во что-то не имеющее доказательства. В настоящее время термин визуализирован в компьютерных играх и фильмах, таких как *Assassin's Creed*. Сама фраза «прыжок веры» восходит к датскому религиозному философу, психологу и писателю Серену Кьеркегору (1813–1855), у которого она звучала как «прыжок в веру». Французский прозаик, философ и эссеист Альбер Камю (1913–1960) считал, что осознание абсурдности жизни ставит человека перед выбором: принятие, самоубийство или тот самый прыжок в веру. Часто это понятие некорректно переводили как «прыжок веры», поскольку в эпоху постмодерна изначальная фраза была переосмыслена.

Через пару месяцев после того, как я отправил свою анкету, мне позвонила Тереза Гомес из Офиса отбора астронавтов и, к моему большому удивлению, сообщила, что Хьюстон хочет встретиться со мной для собеседования: анкета чудесным образом оказалась на вершине кипы. Мой график работы в больнице общего профиля в Денвере настолько плотный, что не могу отлучиться на первую неделю собеседований, которую мне предлагают, и это пытка. Трудно вырваться на целую неделю; я должен так перетасовать график со своими друзьями-ординаторами, чтобы обменяться сменами и совершить поездку.

Месяц провожу в беспокойном ожидании, а затем направляюсь в Космический центр имени Джонсона, чтобы получить шанс стать настоящим астронавтом. Когда меня вызывают в NASA, обнаруживаю, что вошел в группу из 22 кандидатов в астронавты. Ни хрена себе, я здесь! Это уже за гранью крутости.

Я в восторге от моих конкурентов – летчиков-испытателей, опытных ученых и видных инженеров – и сразу осознаю: это крепкие орешки.

Все они, вероятно, могут стать выдающимися астронавтами (за исключением одного крайне занудного ботаника, который очень умен, но слишком старается удивить всех своими познаниями; кроме эксцентричности в нем есть что-то, отбивающее всякое желание провести вместе с ним 6 месяцев в тесной консервной банке). Это состоявшиеся, опытные, умные, веселые и обаятельные люди. У меня нет шансов. В результате хочу просто потусить с ними и узнать как можно больше, чтобы вернуться в следующий раз и получить эту работу.

NASA размещает нас в маленькой унылой гостинице прямо у ворот Центра Джонсона, каждое утро посылает за нами минивэн и присматривает за всем, что мы делаем. Наша первая встреча с Дэном Бранденштайном⁹¹, ветераном программы «Спейс Шаттл» и действующим начальником Управления астронавтов, а также с Джоном Янгом⁹², который участвовал в первой пилотируемой миссии «Джемини» и был первым человеком, который в одиночку облетел Луну по орбите во время экспедиции «Аполлон-10», а позже, будучи командиром «Аполлона-16», ступил на лунную поверхность. Позже он дважды командовал полетами космических челноков, в том числе самой первой дерзкой миссией по их запуску. Эти парни – живые легенды, и я благоговею перед ними.

Достопримечательности окружают: изящные Т-38⁹³ ожидают пилотов в ангаре Эллингтон-Филд; гигантский крытый бассейн, погружаясь в который астронавты в скафандрах приобретают нейтральную плавучесть и тренируются для выхода в открытый космос. Настоящие действующие астронавты ходят по залам и время от времени разговаривают с нами. Помню, как повстречал Кэти Салливан⁹⁴ из миссии по развертыванию космического телескопа Хаббла – я заметил ее, когда она шла через ангар Эллингтон-Филд и улыбалась. Возможно, она вспоминала свой первый удивительный визит в это место в надежде стать астронавтом. Быстро подхожу к ней и здороваюсь. Она очень любезно разговаривает с этим случайным неизвестным ASHO, и это заставляет меня почувствовать, что «звезды становятся ближе».

⁹¹ Дэниел Чарлз Бранденштайн (англ. Daniel Charles Brandenstein) – астронавт США, капитан ВВС США (на 1992 г.), участник 4 полетов на шаттлах – STS-8, STS-51-G, STS-32, STS-49, один из трех астронавтов, кому довелось пилотировать 4 разных корабля данной серии.

⁹² Джон Уоттс Янг (англ. John Watts Young; 24 сентября 1930–5 января 2018) – астронавт США, капитан 1-го ранга ВМФ США в отставке, человек с самой яркой и многогранной космической карьерой в истории: он – первый и единственный, кто управлял космическими аппаратами 4 разных типов – Gemini, командным модулем Apollo-10, лунным модулем Apollo-16 и кораблем Space Shuttle. Кроме того, он дольше всех других астронавтов прослужил в NASA – 42 года.

⁹³ Т-38 Talon – американский двухместный сверхзвуковой учебно-тренировочный самолет фирмы Northrop, используется в основном для подготовки пилотов, а также астронавтов NASA. Один из летчиков NASA установил рекорд, налетав 9200 часов на Т-38.

⁹⁴ Кэтрин Дуайер Салливан (англ. Kathryn Dwyer Sullivan) – американский астронавт, геолог, служила военным океанографом, первая американка, вышедшая в открытый космос. Участвовала в трех миссиях (STS-41-G, STS-31, STS-45).

В промежутках между информационными брифингами и осмотром достопримечательностей проходят многочисленные медицинские процедуры, в том числе медосмотры и психологические обследования, бесконечные сканирования, сдача галлонов крови и страшная проктосигмоидоскопия⁹⁵ – эту процедуру проводит приветливая медсестра Мона. «Скажи «Сыыыыр»», – дразнит она меня, когда я смотрю на подготовленный ею шланг невероятной длины, который должен пройти снизу вверх сквозь мои внутренности.

С трепетом обращаюсь к доктору Хайну, врачу, выполняющему процедуру: «Обязательно остановитесь, когда изнутри увидите мои зубы».

Потеею от страха и надеюсь, что они не найдут ничего такого, из-за чего я могу сойти с дистанции, и стараюсь быть самым крутым. Подготовка астронавта обходится в миллионы долларов, поэтому NASA выполняет все эти тесты, чтобы убедиться, что набирает только людей, которые останутся здоровыми в течение многих лет и многих миссий.

В одном из тестов используется большой круглый надувной предмет, похожий на белый пляжный мяч. «Личное спасательное средство» PRE⁹⁶ было якобы изобретено, чтобы транспортировать астронавта без скафандра из одного челнока в другой в случае чрезвычайной ситуации. Шарик диаметром всего 34 дюйма (86 см) позволял одному из членов экипажа свернуться калачиком в темноте и продуманным способом обеспечивал подачу воздуха для дыхания. Меня подключили к ЭКГ и велели залезть внутрь, чтобы можно было проконтролировать мою способность справляться с клаустрофобией.

«Ныряй внутрь и дай нам знать, о чем думаешь», говорит техник.

Скрючиваю свое длинное тело в позу эмбриона и спрашиваю: «Нельзя ли включить мне MTV?».

Обычно сложно понять реакцию на новые, экстремальные ситуации, но для меня это не составляет большого труда: ощущая комфорт и уют (и это при том, что застрял на неопределенное время внутри чего-то размером с мяч для гимнастических упражнений), я быстро расслабляюсь и засыпаю. Вместо того чтобы колотиться изо всех сил от стресса, сердце замедляет биение до 40 ударов в минуту. Поскольку я заснул, понятия не имею, сколько времени провел внутри. Наконец, молния расстегивается, мне протягивают руку и трясут меня за плечо. Улыбки лучше слов говорят мне, что я прошел испытание. Ни малейших признаков клаустрофобии.

Тем не менее, собеседования – это самое главное. Хорошо, что можно расслабиться в PRE, а также «кристально чистым» предстать перед врачами и психологами, но отборочная комиссия желает оценить нас лично. Чтобы сохранять спокойствие и непринужденность, продолжаю говорить себе, что это всего лишь «тестовый прогон». Собеседования проводятся в непримечательном одноэтажном стандартном блоке, пристроенном к спортзалу и жилым помещениям в задней части космического центра. Проходя через двойные стеклянные двери, я с радостью вижу улыбающееся лицо Терезы, которая царствует в маленькой приемной с серым казенным ковром и парой диванов. Окон нет. Брошюры с описанием космического центра и процесса отбора астронавтов на кофейном столике в зоне ожидания помогают скоротать время.

Нас вызывают по одному в крошечный конференц-зал без окон, обитый сине-серой тканью, с несколькими маленькими фото стартующих шаттлов на стенах. Два длинных стола рас-

⁹⁵ Проктосигмоидоскопия, иначе ректороманоскопия – метод медицинской диагностики с визуальным осмотром слизистой оболочки прямой кишки и, в некоторых случаях, дистальных отделов сигмовидной кишки. Исследование осуществляется с помощью специального прибора, ректороманоскопа.

⁹⁶ PRE (англ. Personal Rescue Enclosure, или Rescue Ball) – устройство для транспортировки астронавтов из одного корабля системы Space Shuttle в другой при аварии на орбите. Имело надувную гермооболочку, состоящую из трех слоев газонепроницаемой ткани с окошком и «молнией», которую астронавт мог открывать и закрывать. Было изготовлено в качестве прототипа и никогда не использовалось на практике.

положены в форме буквы «Т», вокруг столов сидят мужчины и женщины, которых я немедленно узнаю, поскольку очень их уважаю.

Среди них Кэролин Хантун (директор по астробиологии и космической медицине Космического центра имени Джонсона), Дуэйн Росс (управляющая службой отбора астронавтов), а также астронавты Джон Янг, Ри Седдон⁹⁷, Хут Гибсон⁹⁸, Джефф Хоффман⁹⁹ и Дик Кови¹⁰⁰. Мне указывают на пустое кресло в окружении интервьюеров.

Хут просит рассказать о моем летном опыте. Я с детства мечтал управлять летательными аппаратами, и научился летать на самолете в мединституте, поэтому с большим волнением рассказываю о фантастическом путешествии через всю страну, которое только что совершил с приятелями, вылетев из Денвера в Теллерайд, штат Колорадо, затем в Гранд-Каньон, в Долину Смерти и обратно. Когда меня спрашивают, как, по моему мнению, можно достичь успеха, я подчеркиваю свою веру в важность самоотверженного труда, настойчивости, командной работы и везения. Дик спрашивает, что было бы, если бы я получил стипендию Родса¹⁰¹?

«В таком случае я был бы очень горд, – отвечаю я. – Но я и сейчас очень горд. Судя по невероятному стечению людей, с которыми пришлось общаться на этой неделе, большинство из них, вероятно, кандидаты в выдающиеся астронавты».

На пути к этому моменту мне очень помогли невероятно щедрые люди, и я благодарен за возможность 90 минут провести в этом крошечном темном конференц-зале, чтобы попытаться достичь главной цели моей жизни. Я ждал этого момента с самого детства, и покидаю Хьюстон, чувствуя себя так, словно сделал все возможное. Понятия не имею, вошел ли я в число претендентов, но рад, что был частью группы действительно потрясающих людей. И каждый из них хочет иметь свой скафандр¹⁰². Теперь пришло время ждать. И мечтать.

⁹⁷ Маргарет Ри Седдон (англ. Margaret Rhea Seddon) – астронавт NASA, совершила три космических полета на шаттлах (STS-51D, STS-40 и STS-58) в качестве специалиста полета, врач.

⁹⁸ Роберт Ли Гибсон (англ. Robert Lee "Hoot" Gibson) – астронавт NASA, совершил 5 космических полетов на шаттлах (STS-41B, STS-61C, STS-27, STS-47 и STS-71). Один из трех астронавтов, кому довелось пилотировать 4 разных корабля семейства Space Shuttle.

⁹⁹ Джеффри Алан Хоффман (англ. Jeffrey Alan Hoffman) – астронавт NASA, совершил 5 космических полетов на шаттлах (STS-51D, STS-35, STS-46, STS-61 и STS-75), в качестве специалиста полета, а также 4 выхода в открытый космос.

¹⁰⁰ Ричард Освальд Кови (англ. Richard Oswald Covey) – астронавт NASA, совершил 4 космических полета на шаттлах (STS-51I, STS-26, STS-38 и STS-61), полковник BBC США.

¹⁰¹ Стипендия Родса (англ. Rhodes Scholarship) – международная стипендия для обучения в Оксфордском университете. Учреждена в 1902 году Сесилем Родсом для студентов из Британской империи, США и Германии.

¹⁰² Явная отсылка к научно-фантастическому роману Роберта Хайнлайна «Имею скафандр – готов путешествовать» (англ. Have Space Suit – Will Travel).

Глава 8. Кабаны в Хьюстоне

«Существует единственный способ проделать большую работу – полюбить ее. Если вы к этому пока не пришли, подождите. Не суетитесь. Сердце поможет вам узнать интересное дело, когда вы с ним встретитесь»

– Стив Джобс из речи перед выпускниками Стэнфордского университета, 12 июня 2005 года.

Денвер, штат Колорадо, 1992 год

Каждый раз, когда звонит телефон, думаю, что это должен быть тот самый звонок.

Из-за тяжелой нагрузки (наплыв пациентов) некоторые дежурства в отделении скорой помощи длятся по 36, а то и по 48 часов. Невозможно выйти, запрыгнуть в джип, и долго-долго ехать домой. Волнуюсь во время очень длинных смен: может быть, ОНИ пытаются дозвониться до меня прямо сейчас? Каждый раз, возвращаясь с работы, испытываю беспокойство, сворачивая на крутую узкую грунтовку. «Успокойся, не торопись...» – говорю я себе, влетая в дом, чтобы проверить автоответчик.

Я по-прежнему занят работой, скалолазанием, катанием на лыжах; кроме того, провожу время со своей новой девушкой, Гейл, медсестрой педиатрического отделения. Мы знакомимся на свидании вслепую, и я узнаю, что она переехала из Бостона в Колорадо, чтобы научиться кататься на лыжах. Мне нравится ее спокойствие и сдержанность, а также едкое чувство юмора. Познакомившись, выходим поесть суши и застреваем за разговором на несколько часов. «Как собираешься жить дальше?» – спрашивает она.

Делаю паузу.

Надо ли ей говорить? Я до сих пор не привык рассказывать о мечте всей своей жизни. Может быть, пиво действует, но таки решаюсь выплеснуть то, что накопилось: «Я хочу пройти программу неотложной медицинской помощи, но больше всего на свете я хочу летать в космос».

Гейл молча смотрит на меня. Позже я узнаю, что дома она позвонила маме по поводу нашего первого свидания.

«Никогда не поверишь, чем этот парень хочет заниматься».

«Хм?»

«Он хочет быть астронавтом!»

«Встречаются же чудики...» – говорит ее мама.

Но хотя отношения с Гейл помогают отвлечься, я все еще жду. И жду. И снова жду. Никогда не умел так упорно ждать. Январь. Февраль. Март проходит, а я до сих пор не знаю вердикта: «Так быть или не быть астронавтом?»¹⁰³

Немного обнадеживают сообщения от друзей и членов семьи: по их словам агенты правительственного Управления кадровой службы (УКС)¹⁰⁴ наводили обо мне справки, пытались определить, все ли написанное в моем заявлении – правда, и можно ли мне выдавать допуск к секретной информации и «ключи от шаттла»? Агенты безупречны в своих поисках, они даже разговаривают с давними бывшими подругами, о которых я разумно не упоминал. Но УКС ловко раскапывает дополнительные связи, беседуя с друзьями, коллегами и членами семьи.

¹⁰³ В оригинале Astronaut, or Astro-Not?

¹⁰⁴ Управление кадровой службы OPM (англ. United States Office of Personnel Management) – независимое агентство федерального правительства США, которое управляет персоналом на государственной службе федерального правительства.

Даже доктор Эмили Мори-Холтон, мой наставника из Центра Эймса, утверждает: к ней в офис заглядывало УКС, чтобы расспросить обо мне.

Агент УКС: «Как вы думаете, стоит ли его нанимать?»

Эмили: «Нет, конечно!»

«Почему нет?»

«Он слишком хорош для NASA».

Неловкое молчание, затем смех.

Эмили говорит, что она хвалила меня, сообщив агенту, что я достаточно умен и креативен, чтобы всколыхнуть мир медицины. Не думаю, что заслуживаю такой похвалы, но очень благодарен за дружбу и поддержку.

Однажды утром я пребываю в оцепенении после долгого ночного дежурства на скорой помощи. Это была одна из тех самых бесконечных смен: кручусь, как белка в колесе, задница в мыле, ни присесть, ни выйти в туалет; уезжая с работы, мне пришлось даже остановиться на обочине шоссе I-70 подремать минут пятнадцать, чтобы хватило сил последующие 45 минут вести машину до Эвергрин. В конце концов я добрался до дома и упал на кровать прямо в униформе, весь в поту и бетадине. Сон, длившийся не более часа, прервал внезапный телефонный звонок.

«Алле?» – бормочу я, еще не понимая до конца, во сне это происходит или наяву.

«Привет, Скотт. Это Дон Падди из NASA. Как дела?» – голос Дона звучит неестественно медленно и низко, вероятно оттого, что я еще не совсем проснулся. А, может быть, оттого, что ему интересно, чего это я так насторожен в 10:15 утра? Но когда слышу этот тягучий оклахомский акцент, по телу разливается волна адреналина, вытягиваюсь в полный рост в постели, словно держу в руках лотерейный билет и ожидаю совпадения 6 – последнего – номера.

Постойте: это – как раз нужное время и нужный человек. Дон Падди – директор NASA по подготовке экипажей. Так и должно быть! Здравый смысл (точнее, общепринятые правила) кандидата в астронавты говорит, что звонок от Падди, вероятно, означает новости хорошие, в то время как звонок от менеджера отдела отбора астронавтов Дуэйна Росса – плохие. Росс – исключительно приятный парень, вероятно, именно поэтому ему поручают озвучивать отказы.

Дон и Дуэйн известны своими жестокими подначками в адрес тех, кто хочет стать астронавтом. Слышал, что иногда звонит Дуэйн, и когда человек на том конце провода начинает переваривать факт, что его не приняли в программу, трубку берет Дон и задает как бы случайный вопрос типа: «Скажите, вы по-прежнему хотите работать у нас?» Таким образом, никогда не знаешь наверняка, что произойдет при беседе с этими двумя шутниками, пока не услышишь волшебные слова.

Падди работает в NASA с 1964 году. Он занимал должность 10 по счету руководителя полетами, сменив таких легенд NASA, как Крис Крафт¹⁰⁵ и Джин Кранц¹⁰⁶; руководил командами во время программы «Аполлон», а также во время трех длительных миссий на «Скайлэб» в 1973 и 1974 годах. Он был директором полета в самом первом полете шаттла «Колумбия» STS-1. Этот скромный человек – легенда, и он звонит мне.

Глубоко вздыхаю, задерживаю дыхание и чувствую, как все тело превращается в гигантское ухо, ожидая, что голос Дона произнесет слова, которые очень хочется услышать с самого детства.

¹⁰⁵ Кристофер Коламбус Крафт-младший (Christopher Columbus Kraft Jr. (1924–2019)) – инженер и руководитель американской аэрокосмической промышленности; в NASA сыграл важную роль в организации деятельности Центра управления полетами.

¹⁰⁶ Юджин Фрэнсис «Джин» Кранц (Eugene Francis «Gene» Kranz) – бывший ведущий руководитель полетов космических миссий NASA. В 1970 году команде центра управления полетами под управлением Джина Кранца удалось провести уникальную операцию по спасению экипажа корабля «Аполлон-13», на котором произошла серьезная авария во время полета к Луне.

«Скажите, вы все еще хотели бы работать у нас? – Падди по-прежнему не спешит. – Мы были бы очень рады видеть вас в нашей команде».

«Да сэр. Мне бы этого очень, очень хотелось». Не могу поверить в услышанное, и прямо сейчас не могу подобрать никаких подходящих слов в ответ...

«Рад слышать. Пожалуйста, имейте в виду, что пресс-релиз до завтра не выйдет, поэтому, пожалуйста, никому не говорите. Это строго конфиденциально».

«О, нет, сэр. Я никому не скажу», – быстро соглашаюсь на это как на обязательное условие при приеме на работу.

Разговариваем еще несколько минут о чем-то, но в памяти ничего не остается, поскольку в голове крутится лишь одно: я буду чертовым астронавтом! Мозги работают с невероятной скоростью, думая о звонках, которые надо сделать в ближайшие 10 минут, чтобы сообщить своей семье невероятные новости.

Вежливо попрощавшись, кладу трубку, и во всю глотку ору, прыгая по своей хижине и размахивая руками, исполняя дикий танец перед невидимыми зрителями. На календаре 31 марта 1992 года: чувствую, что моя жизнь застыла в позе бегуна на низком старте перед чем-то необыкновенным.

Вопреки собственным обещаниям, делаю незаконный телефонный звонок родителям, установив новый мировой рекорд по нарушению конфиденциальности. Уж с ними-то я просто обязан поделиться счастьем в первую очередь!

Заклинаю их хранить секрет, но не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, станут ли они хранить обет молчания в будущем. Мамин голос дрожит, я чувствую, как слезы наворачиваются на ее глаза, и она начинает рыдать. Большая часть разговора остается за папой. «Не могу в это поверить. Не думал, что у тебя получится с первого раза. Это просто изумительно!»

Затем звоню Гейл и моим лучшим друзьям. Вышагиваю взад и вперед, растягивая телефонный шнур на всю длину, делюсь невероятными новостями, и сердце как будто носится на санях внутри грудной клетки. Моя мечта сбывается! Мысленно повторяю телефонный разговор снова и снова, и несколько дней подряд не могу уснуть, как обычно. Не покидает мысль: «Это случилось! Я в самом деле буду астронавтом».

До 3 августа не сообщаю ничего в Центр Джонсона, и у меня остается достаточно времени, чтобы найти жилье в Хьюстоне и подготовиться к переезду. Нужно поговорить с Гейл. Мы много времени проводим вместе и за несколько месяцев понимаем, что не хотим расставаться, поэтому Гейл решает переехать со мной. Мы рады начать совместную жизнь в Хьюстоне.

Я все еще прохожу ординатуру по программе неотложной медицинской помощи: до выпуска осталось чуть больше года, и руководство программы – следующие по очередности люди, с которыми надо поделиться новостями. Они хорошо знали о моем намерении стать астронавтом, но, как и я, не думали всерьез, что такой шанс появится до окончания обучения и начала клинической практики. Они заметили, насколько ревностно я отнесся к презентации по космической медицине, которую представлял на рассмотрение в ординатуру. Пытаясь упаковать все аспекты космической медицины в 45-минутную лекцию, я все разобрал по косточкам, хотя это было излишне детально и слишком долго. Некоторые присутствующих заснули – они предпочитали презентации с обилием крови и кишок – но я говорил о самой крутой теме в известной мне вселенной. «Это было очень хорошо, – сказал один из преподавателей, пытаясь сделать мне комплемент. – Можно сказать, вы страстно увлечены предметом».

Подача официального заявления об уходе из программы экстренной медицинской помощи добром не кончается: агрессивный характер программы в каком-то смысле отражает суть работы отделения неотложки денверской больницы, и эмоциональной поддержки коллег в своем решении перейти в NASA не чувствую.

Их легко понять – здесь всего 12 ординаторов соответствующего класса, поэтому, если кто-то уходит, образуется дыра в штате. Мои самые близкие друзья в восторге, но жаль, что кое-кто, с кем я работал рука об руку, по меньшей мере не слишком рад. Я не ждал торжественного парада в свою честь, но их реакция крайне разочаровывает.

Летом, собираясь переезжать, провожу все свободное время в горах, стараясь покорить как можно больше четырнадцатитысячников. Кроме того, усиленно занимаюсь скалолазанием с Джоном МакГолдриком и другими приятелями. Моя подготовка в астронавты будет трудной, свободного времени не останется, и, насколько мне известно, в штате Техас не так много гор.

Подъем на гранит Лефт-Аута, где я чуть не убится (любая травма могла впоследствии привести к отстранению меня от космической программы), большой проблемой для Джона не был. Позже он сказал, что не задумывался, достаточно ли я подготовлен конкретно к этому подъему в качестве ведущего в связке, но чувствовал, что меня не стоит сдерживать. Джон не из тех, кто вслух волнуется или восхищается, поэтому, когда я рассказал ему о звонке из NASA, он лишь бросил: «Это круто», но при этом не пытался отговорить меня. Именно от Джона я многое узнал о том, как быть партнером и лидером.

Собрав и упаковав домашний скарб для переезда в Хьюстон, мы с Гейл решаемся «покараванить» на моем изношенном джипе и ее «Форде Бронко». Прилетели мои родители, чтобы часть путешествия провести вместе с нами. Перед тем, как покинуть Колорадо, останавливаемся у Пика Хэндис (Handies Peak) возле Теллерайда, и Гейл взбирается номером вторым в моей связке, пока я покоряю последний четырнадцатитысячник.

На округлой скалистой вершине нет никаких признаков цивилизации, и кажется, что стоишь на крыше мира, а вокруг раскинулись заснеженные пики. Волнующее восхождение в сочетании с большим переездом и переходом на работу моей мечты подкидывают идею: поднявшись на вершину, я спонтанно решаюсь задать Гейл один вопрос. У меня нет кольца, но я не могу придумать лучшего места, чтобы попросить ее выйти за меня замуж.

Погода не радует: на горизонте сгущаются грозовые тучи, и к тому времени, как мы возвращаемся к транспортным средствам, оставленным на тропе, уже идет дождь. Молнии представляют здесь серьезную опасность: в результате их ударов почти каждое лето – в основном в июле – в Колорадо гибнут альпинисты. Но непогода пережита, Гейл говорит «да», и мы спускаемся с горы. Холодно и сыро, но счастливые и взволнованные мы начинаем совместную жизнь.

Неделю спустя, после очень тревожной ночи, прихожу на работу в Космический центр имени Джонсона, и меня официально приводят к присяге как государственного служащего. В первый день я одет в светло-коричневый костюм и галстук – к счастью, это один из немногих случаев, когда мне приходится носить галстук в должности астронавта.

Я взволнован, как пятилетний ребенок в первый день в детском саду. Большую часть времени занимают вводные инструктажи. 14-й набор астронавтов (NASA Astronaut Group 14) позже получил прозвище «Кабаны» (Hogs) – остальная часть Управления астронавтов считает, что «свиньи в космос летать не могут, и поэтому не наберут нужных задач для реализации миссии». В нашей группе 3 женщины и 21 мужчина: 4 пилота-астронавта, 5 специалистов по международным миссиям (по одному из Италии, Франции и Японии и два из Канады) и 15 специалистов по миссиям NASA, включая меня.

Нас приветствуют Джон Янг и некоторые из старших астронавтов, включая моего нового босса Дэна Бранденстайна, начальника Управления астронавтов, с которым я также встречался во время недельного отборочного интервью. Мы встаем и представляемся нашим новым коллегам, а затем присутствуем на короткой пресс-конференции перед макетом того, что в очень отдаленном будущем станет Международной космической станцией.

Нервно – но с энтузиазмом – сообщаю свое имя, краткую биографию и коротко рассказываю о том, как пришел в NASA. Это мои первые официальные слова в качестве астронавта. Все вокруг в тумане, но я кое-как рассказываю о том, как мне не терпится летать.

Несмотря на то, что пресс-конференция достаточно «ванильная», и почти все внимание средств массовой информации сосредоточено на иностранных астронавтах-партнерах, я испытываю невероятное чувство восторга. Шаг в неизвестность! Когда мысленно готовишься к чему-то столь захватывающему, не до конца понимаешь, куда направляешься... Надеюсь и верю, что как и у всех остальных представителей команды «Кабанов», моей судьбой в конце концов станет путешествие в космос. Но к тому же поражаюсь всему, чему придется научиться, а заодно неизвестным и пугающим чувствам, которые предстоит пережить, прежде чем смогу – во всяком случае, надеюсь, что смогу – прокатиться на ракете.

Вспоминаю учебный план по тренировкам на выживание на суше и воде, полетам на реактивном самолете Т-38 и имитации миссии шаттла, который получил по почте несколько недель назад, и ожидаю, что буду проводить много времени в учебных классах вместе с группой избранных. Все они неординарны, и мне интересно, буду ли я соответствовать остальным? Смогу ли выступить на их уровне? Буду ли успевать? Слишком много вопросов, и я пока не знаю, как с ними справиться. Определенно не стоит выносить их на публику. Астронавты известны своим стоицизмом, и я должен соответствовать этому критерию.

Еще одна проблема – моя внешность. Несмотря на то, что мне 31 год, у меня все еще детское лицо 12-летнего ребенка, и я боюсь, что никто не воспримет меня всерьез, особенно когда дело дойдет до полетов. Через несколько дней один из моих коллег по группе, опытный и веселый летчик-испытатель ВМС по имени Кент Роминджер¹⁰⁷ решает, что мне нужен надлежащий авиационный позывной. В знак уважения к моей молодости, внешнему виду, росту, светлым волосам и медицинской подготовке он нарекает меня «Дуги Хаузер».

Помните сериал «Доктор Дуги Хаузер» (Doogie Howser, M.D.)? Он шел по телевизору с 1989 по 1993 год, и Нил Патрик Харрис исполнял роль гениального подростка, получившего лицензию врача в возрасте 14 лет. Хотя я вдвое с лишним старше, должен признать, выгляжу примерно также. Прозвище приклеивается как репей и, к моему большому огорчению, довольно скоро все зовут меня «Дуги».

Я не знал прежде о проверенной временем традиции в кругах военной авиации, когда старшие сослуживцы эскадрильи выясняют, какой позывной вам дать – смешной или унижительный. Приходится притвориться, что мне нравится эта кличка, потому что тогда, возможно, они продолжат поиск и, в конце концов, найдут то, что мне не понравится. Если новый позывной заставляет съежиться, то в среде пилотов он наверняка закрепится за тобой на всю жизнь. Поэтому, хотя и не могу, как герой телесериала, удержаться от медосмотра беременной, почти сразу принимаю этот позывной. До того момента, как мне придумывают новый.

¹⁰⁷ Кент Вернон «Роммель» Роминджер (англ. Kent Vernon «Rommel» Rominger) – астронавт NASA, совершил 5 полетов на шаттлах: STS-73, STS-80, STS-85, STS-96 и STS-100, полковник ВМС США.

Глава 9. Дуги начинает

*«Полет на самолете ничем не отличается от езды на велосипеде.
Достать редкие бейсбольные карточки гораздо труднее»
– капитан Рекс Крамер в фильме «Аэроплан!»*

Хьюстон, штат Техас, 1992 год

Хотя в первый день работы я надеваю галстук, чтобы сделать фото для удостоверения NASA, впоследствии моей униформой становится повседневная одежда астронавтов кэжуал-стайл: брюки цвета хаки и рубашка поло. Но вот что отличает нас, ничтожных кандидатов, от героев космоса, таких как врачи-астронавты Бернард Харрис и Ри Седдон, к которым я долго присматривался, так это монограмма на рубашке, с логотипом и номером выполненной миссии.

Каждая миссия шаттла обозначается как «STS (от словосочетания «Космическая транспортная система» (Space Transportation System), означающее какой-либо полет челнока) номер такой-то». Самый первый полет системы Space Shuttle – STS-1 – был испытательным. Он начался 12 апреля 1981 года с мыса Канаверал во Флориде и закончился спустя 55 часов на авиабазе Эдвардс на дне сухого озера в высокогорной пустыне близ Ланкастера, штат Калифорния. Ветеран программ «Джемини» и «Аполлон» Джон Янг вместе с пилотом Бобом Криппеном управлял «Колумбией» – самым сложным космическим кораблем из летавших (причем отметим – беспилотного испытательного запуска перед этим не было). К моему прибытию на подготовку в августе 1992-го номера STS перевалили за пятый десяток.

Несколько месяцев слушаю лекции, изучаю учебные пособия и схемы систем космических аппаратов, посещаю полевые центры NASA и знакоюсь со многими научными дисциплинами из области космоса, за которые в конечном итоге мы будем отвечать на орбите. С головой ухожу в материаловедение, физику горения, метеорологию, океанографию, геологию, биохимию и звездную навигацию. Среди приглашенных лекторов есть космические знаменитости – легендарный руководитель полетов Джин Кранц и астронавты Нил Армстронг, Алан Бин и Чарли Дьюк рассказывают о вылазках на Луну и о душераздирающей миссии «Аполлон-13», которая едва не закончилась катастрофой.

Практические занятия с использованием трехмерных моделей подсистем шаттла готовят меня к управлению челноком, его роботизированным манипулятором, к выходам в открытый космос, знакомят с циклограммой подготовки и запуска, с операциями по стыковке, сходу с орбиты и посадке. Особенно мне нравится имитатор движения SMS (Shuttle Motion Simulator): забираешься в кабину, оснащенную функционирующими дисплеями и элементами управления, как у челнока, и она грохочет, трясет и бросает тебя из стороны в сторону как при запуске, нет только перегрузок (их испытываю позже на центрифуге авиабазы Брукс в Сан-Антонио, штат Техас).

При многократном прогоне циклограмм неизменно разверзаются адовы бездны: в условия полета бедного шаттла, карабкающегося на орбиту, хитрые инструкторы вводят одну аварию за другой. Звуковые и визуальные сигналы меняют друг друга как сошедший с ума фейерверк в День независимости. Идущие подряд отказы в одних системах вызывают аварии в других. Выход из строя компьютера, а затем шины электропитания или маршевого двигателя абсолютно неприемлемы, поэтому надо диагностировать и устранять проблемы до того, как они усугубятся. В определенных условиях выжить невозможно. Признаком того, что все пошло не так, становится вздрагивание и выключение тренажера: его кабина накрывается, качается в сторону и опускается в нейтральное положение. Это не лучший день для Управления астро-

навтов. Инструкторы на тренажере ежедневно безжалостно стараются приблизить нас к пределам возможностей, чтобы во время настоящей миссии знания позволили уверенно совершить путешествие в космос и вернуться обратно.

Сначала чувствую себя подавленным, задаюсь вопросом, смогу ли соответствовать ожиданиям, возвращаясь к ощущениям, пережитым в мединституте, когда пытался пропустить через себя весь льющийся поток информации. Тогда у меня открылся (или я его открыл) навык фотографического запоминания, но, к сожалению, биохимические реакции и фармакологические взаимодействия, которые запомнились для зачетов в мединституте, задержались в голове ненадолго. Виной тому – мнемонические техники, которые я использовал для быстрой фиксации фактов. Чтобы летать в космосе, нужно готовиться системно и сохранять в голове огромное количество знаний. От этого может зависеть наша жизнь и успех миссии.

Каждое утро глядя в зеркало, получаю дополнительный стимул реально разобраться в себе. Вижу в отражении лицо ребенка, который физически неспособен отрастить настоящие усы или бороду (2-месячные прозрачные усики выглядят так, будто я не смыл грязь под носом). Не хочется, чтобы шеф уволил молодого «космического туриста», когда дело дойдет до назначения в полет, поэтому моя лучшая защита – нападение: надо хорошо готовиться. Если не готов к занятиям в классе или на тренажере-имитаторе, это, как правило, довольно заметно. Конечно же, мне совсем не хочется повторить то злополучное восхождение на Лефт-Аут или неудачи на экзамене в меде.

При овладении санным спортом также, как новой медицинской или хирургической процедурой, важно практиковаться намного больше необходимого минимума. В безжалостном космическом мире надо подробно знать, как что функционирует, понимать, как это может сложиться, и иметь представление о том, как реагировать, если не сработают ни план А, ни план Б. Применим медицинский принцип *primum non nocere* («во-первых, не навреди»): сталкиваясь с проблемой на имитаторе или в космосе – не усложняй ситуацию.

Другой фактор, который давит на психику – это неофициальная, но постоянная оценка астронавтов со стороны наших инструкторов, сотрудников Центра управления полетами, коллег и общественности. Я чувствую ответственность за сохранение профессиональной чести Управления астронавтов для налогоплательщиков, которые поддерживают нас. Всегда думаю о том, что могу оказаться первым и единственным астронавтом в жизни случайно встретившегося со мной человека, и создать у него неизгладимое впечатление обо всем нашем Управлении. Я думаю, именно по этой причине мы все стараемся поддерживать наши ценности и представлять NASA, страну и свое призвание с самой лучшей стороны.

Хотя я счастлив в браке, я влюбляюсь повторно – на этот раз в обтекаемые реактивные Т-38, которые базируются в Эллингтон-Филд в нескольких минутах пути на машине от Центра Джонсона. Т-38 Talon фирмы Northrop – двухместный двухдвигательный сверхзвуковой реактивный самолет с дельтавидным крылом, используемый NASA для подготовки и перевозки астронавтов по всей стране. Даже на парковке он похож на некий авиационный спорткар для преодоления звукового барьера. В свой первый полет на Т-38 я отправляюсь со Стефани Уэллс, потрясающей и очень доверчивой женщиной-инструктором NASA, которая сразу после отрыва от взлетной полосы дает мне штурвал, а затем учит разгоняться и подниматься на ослепительных скоростях. Переход от «Цессны» к Т-38 подобен пересадке с пони, страдающего артритом, на чистокровную скаковую лошадь в самом расцвете сил.

Т-38 летают на сверхзвуке, ныряя и легко скользя при скорости до 1,3 Маха на высоте 40 000 футов (12 200 метров), примерно на 10 000 футов (3050 метров) выше трасс обычных авиалайнеров. Они способны подвергнуть пилотов 6-кратной перегрузке – в 6 раз выше силы тяжести. При этом трудно поднять мизинец, а обычный человек может потерять сознание. Как астронавт – специалист по полетам, я вынужден занимать заднюю часть кабины. Только пилотов с военной подготовкой допускают в переднее кресло, но и на заднем чувствуешь себя летя-

щим в ракете, пусть и не выходя за пределы атмосферы. Управление требует пристального внимания – на этих скоростных самолетах автоматизации нет, и рискуешь в мгновение ока потерять нужную высоту, если не будешь осторожным. Но какое это удовольствие – быть пристегнутым к креслу-катапульте и летать в строю, выполняя акробатические маневры, переворачиваясь вверх ногами и возвращаясь назад! Я поставил бы это на одну доску с лазанием по замерзшему водопаду.

С детства мне нравились все летательные аппараты. Безусловно, этот интерес унаследован от отца: в ВВС он хотел стать пилотом, но зрение помешало ему осуществить эту мечту. С неизменной страстью ко всему, что летает, он любил мастерить со мной модели ракет и самолетов. Когда в мединституте я учился летать на вызывающей клаустрофобию «Цессне-152», меня буквально «зацепило» с самого первого виража. Эти достижения держались в секрете вплоть до выпускного, и стали огромным сюрпризом для родителей (особенно для мамы), когда я отвез их на аэродром и взял с собой полетать.

Управление одномоторным самолетом с негерметичной кабиной в горах Колорадо (высоты до 14 000 футов, один на один с крупными горными вершинами) требовало большой дисциплины. Стремясь выполнять высотные полеты, я стал в них довольно искусным. Подходя к горным перевалам под углом 45°, следует быть готовым к быстрому отступлению, если на той стороне хребта обнаруживается сильный нисходящий поток. Нужен четкий план, тщательная подготовка и постоянные проверки количества топлива и метеоусловий. Всегда приходится думать о том, что двигатель может отказаться, и надо будет спускаться и приземляться – на плоскую вершину или даже на шоссе I-70.

На случай, если когда-нибудь придется катапультироваться из Т-38 в неподходящем месте, NASA отправляет «Кабанов» на авиабазу Фэйрчайлд в штате Вашингтон на трехдневную тренировку по выживанию на суше. Мы проходим чуть более мирную версию курсов ВВС под названием «тренировка на выживание, уклонение, сопротивление и побег» SERE¹⁰⁸. Поскольку пилотов NASA ожидают полеты Т-38 лишь над мирным континентальным районом США, тренировка заключается, в основном, в групповом походе, направленном на сплачивание коллектива, с развитием некоторых полезных навыков выживания, за исключением жесткого сопротивления и уклонения от «неуставных отношений» (дедовщины).

¹⁰⁸ С момента своего основания в 1950-х американская система подготовки SERE (Survival, Evasion, Resistance, Escape) была доступна лишь для военнослужащих специальных подразделений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.